

ЧАСТЬ IV ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ. ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И КРИЗИСЫ

Глава 15 Дивергенция и конвергенция в мировой экономике

А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин

В главе показано, что Великая дивергенция XIX в. – это процесс не просто расхождения в уровне развитости Европы и остального мира, но и создания нового типа мировой экономической системы, в которой хозяйства разных стран включаются в единую мирохозяйственную или мироторговую систему (но с весьма разными ролями, прежде всего в виде центра, полупериферии и периферии) Мир-Системы в современном смысле слова. Вместе с тем продемонстрировано, что почву для перелома тенденции на конвергенцию подготовили следующие моменты: резко возросшая необходимость Запада и СССР по разным причинам быть в союзе с развивающимися странами; необходимость поставить под контроль ряд негативных процессов в развивающихся странах и разработка соответствующих стратегий, научных идей, программ и т. п.; изменение структуры экономики в западных странах, что потребовало переноса индустриальных производств в развивающиеся страны; пробуждение интеллигенции и стремления к модернизации; роль развивающихся стран в поставках сырья, особенно нефти, и как источника дешевой и минимально квалифицированной рабочей силы. В конце концов, во многом благодаря глобализации большинству развивающихся стран к началу 1990-х гг. удалось сократить разрыв с развитыми странами по уровню развития человеческого капитала до уровня, обеспечившего реальную возможность переноса очень большого числа производств из центра на периферию Мир-Системы, вследствие чего резко усилился поток технологий и капитала из развитых стран в развивающиеся, что и запустило процесс Великой конвергенции. В этом плане можно сказать, что Великая конвергенция была запущена новой волной глобализации, начавшейся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Показано, что начавшаяся в последней четверти XX в. Великая конвергенция – это объективный результат развития мировой экономики в целом, итог развития экономики и политики как развитых, так и развивающихся стран (причем вольный или невольный вклад в этот итог развитых стран выглядит даже более высоким, чем самих развивающихся), это способ поддержания благополучия западных стран в условиях охватившего их демографического кризиса, возможность создания более широкого основания для дальнейшего инновационного развития мира.

Ключевые слова: Мир-Система, теория конвергенции, Великая дивергенция, Великая конвергенция, деиндустриализация, центр, полупериферия, периферия, модернизация, темпы роста, замедление темпов роста.

ВЕЛИКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ И ВЕЛИКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ

О понятиях дивергенции и конвергенции

Дивергенция и конвергенция – это соответственно расхождение или сближение путей эволюции, но при этом уровень развития в целом может оставаться сравнимым. Дивергенция в одних аспектах может сочетаться с конвергенцией в других, тем более если общества находятся в плотном контакте (подобный тип описан нами ниже для XV–XVIII вв. и назван догоняющей дивергенцией). Также процесс конвергенции может сменяться дивергенцией и наоборот. Дивергенция и конвергенция – процессы, которые сопутствовали историческому движению на протяжении всего исторического процесса как среди родственных, так и неродственных обществ.

Великая дивергенция и Великая конвергенция – это такие расхождение или сближение путей развития, которые прежде всего показывают радикальный уровень разрыв и, напротив, достижение уровня лидеров прежде качественно отстающими обществами. При этом (что мы показываем ниже) *нередко процессу Великой дивергенции предшествовал процесс Великой конвергенции*, когда отстающее общество быстро догоняет лидеров, а затем, имея еще огромные потенциалы, начинает обгонять их, причем двигаясь по новой траектории развития.

Понятно, что великих дивергенций и великих конвергенций в истории было не так много, причем значительная, если не основная, их часть связана с технологическими прорывами – от появления земледелия до изобретения цифровой электроники. Так, переход к крупномасштабной ирригации (во второй половине IV – начале III тыс. до н. э.), то есть завершающая фаза аграрной революции, привел к появлению первых государств, цивилизаций и урбанизированных обществ, в целом к Великой дивергенции между государственными/цивилизованными и варварскими обществами, которая одновременно стала и Великой дивергенцией между цивилизованным Востоком и варварским Западом. В итоге Восток стал решительно обгонять Запад во многих отношениях, что продолжалось в течение III и II тыс. до н. э.¹

Однако позже, в I тыс. до н. э., распространение железа, плужного земледелия и использование железа в военных целях в Европе привели к рождению Античной цивилизации, что означало сначала конвергенцию между Востоком и Западом (вспомним, что многие мудрецы и философы Греции учились в Вавилонии и Египте), а затем (во второй половине I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э.) – и Великую дивергенцию, выразившуюся в создании нового типа культуры, философии, науки, политического строя, а также в военно-государственном превосходстве Запада над (Ближним) Востоком до тех пор, пока Западная Римская империя не ослабела.

Великая дивергенция, о которой идет речь в этой главе, стала результатом промышленной революции (ее начальной фазы в XV–XVI вв., а затем и завершающей в XVIII – начале XIX в.). Как и Великая дивергенция III–II тыс. до н. э., она означала громадный разрыв в уровне производства, в объеме прибавочного продукта и богатства общества, в радикальных демографических изменениях и, как следствие, в формировании новых типов политического устройства (см. ниже),

¹ Хотя нельзя не отметить, что во II тыс. до н. э. расцвела крито-микенская цивилизация, правда, она еще не была «западной» в более позднем цивилизационном смысле этого слова, а занимала скорее промежуточное положение между Востоком и Западом.

в уровне вооружения и военного искусства, социокультурного развития и многого другого².

Конвергенция, или сближение, – очень распространенный паттерн эволюции, связанный с тем, что общества заимствуют достижения и институты друг друга в разных областях жизни, происходит диффузия различных инноваций, общества объединяются и тем самым начинают уменьшать различия и т. п. Великих конвергенций, как уже упоминалось, было немного. Об одной из них, связанной с завершением аграрной революции в Европе в связи с распространением железа и железных орудий в земледелии, сказано выше (см. также подробнее: Гринин, Коротаев 2007; 2009; Коротаев, Гринин 2007). Другая Великая конвергенция описана в настоящей главе. Это был подъем Европы, уровень развития которой значительно понизился в результате крушения Западной Римской империи и варваризации «темных веков» I тыс. н. э. (VI–X вв.). Подъем имел место в самых разных отношениях, но во многом основывался на активном заимствовании, адаптации и творческом развитии достижений Востока. Этот период охватывал XII–XV вв., хотя в некоторых сферах корни его прослеживаются и в XI в., а заимствование в отношении вооружений, в результате чего и создалась знаменитая тяжелая рыцарская конница, наблюдалось и гораздо раньше (см., например: Кардини 1987). То же касается и некоторых технологических инноваций.

Таким образом, Великая конвергенция Средневековья – это сначала более простое заимствование технологий и институтов, затем их творческая адаптация к собственным условиям, активный период обучения у более сложных обществ, а далее уже на базе конвергенции начинается собственный период инноваций, часть из которых затем становится, в свою очередь, образцом для подражания и материалом для заимствования. Именно так происходит в современной Великой конвергенции, когда страны Юга начинают догонять страны Севера, и вместе с копированием и привлечением западных технологий догоняющие страны Азии формируют и нового человека, все более активно позиционируют себя в плане технологических и иных инноваций. Часть последних затем становится образцом для подражания и материалом для заимствования.

Таким образом, дивергенции и конвергенции между Востоком и Западом, имеющие место на протяжении уже тысяч лет, одновременно показывают и несомненное сходство между западными и восточными обществами, сходство, которое позволяло и позволяет и тем и другим заимствовать многие достижения друг друга, интегрировать и адаптировать их, сходство, которое не предопределяет навечно инновационность или отсталость тех или иных цивилизаций и регионов. И в этом плане можно согласиться с Л. Б. Алаевым, который выступает против абсолютизации дихотомии «Восток – Запад» (Алаев 2004; 2007)³. Но с другой стороны, это показывает, что нет (и, видимо, не может быть) чистого копирования обществ опережающего развития теми, кто догоняет (хотя сегодня западные страны не просто хотят, но и активно навязывают это прямое копирование).

² Но одно из различий в описываемых великих дивергенциях заключалось в том, что в отношении производительности труда индивида между охотой и собирательством, с одной стороны, и земледелием – с другой, не было радикального разрыва (хотя между ними был колоссальный разрыв в производительности земли [Коротаев 1991]). Охотник-собиратель мог иметь даже более высокую производительность, чем земледelec (недаром М. Салинз называл многие современные европейцам первобытные общества «обществами изобилия» [Sahlins 1972; Салинз 1999; см. также: Коротаев 1991]). Различие же в производительности труда между промышленным рабочим и крестьянином в XIX в. стало огромным (см., например: Kuznets 1955; 1966).

³ К такой абсолютизации склоняется, например, Л. С. Васильев (см.: Васильев 1982; 1988; 1993).

Удачная конвергенция может состояться только при очень творческой адаптации и трансформации заимствованных институтов и общественных отношений.

Чем был период XV–XVIII вв. – дивергенцией или конвергенцией между Европой и Азией? В XIX в. в результате промышленной революции начался процесс Великой дивергенции, который продолжался более полутора веков. Великая дивергенция обусловила преобладание Запада по очень многим показателям (за исключением численности населения). Однако процесс дивергенции начался за несколько веков до этого, когда Запад в одних отношениях опережал Азию, в других – стоял с ней на примерно одинаковом уровне, а по ряду важных параметров отставал. Поэтому процесс дивергенции в это время охватывал лишь часть из тех направлений, которые проявились позже (такие, скажем, как военное и техническое развитие, наука, способы и объемы распространения информации и др.). При этом в начале Нового времени некоторые технические и энергетические показатели, по которым Запад опережал Восток, были не слишком значимыми для экономики в целом (как, например, большой масштаб применения неорганической энергии), но по мере развития этот разрыв увеличивался, а его значимость возрастала. Дж. Голдстоун высказал мысль, что Великую дивергенцию имеет смысл подразделить на некоторое число меньших дивергенций: «Таким образом, я бы разложил понятие “Великая дивергенция” на некоторое число более мелких “дивергенций”, которые возникали в разное время и в разных местах и которые в конечном счете привели к критически значимым сдвигам в науке, технологии и производительности труда, обеспечившим в XIX в. доминирующее положение Европы» (Goldstone 2013: 59).

Для выяснения, каких именно и в каком ключе, требуются дополнительные исследования. И Дж. Голдстоун в ряде работ (*Idem* 2008a; 2008b; 2013) описывает свою версию разделения дивергенций, мы ниже приводим свою.

Однако этот период был одновременно и периодом конвергенции, так как Запад активно догонял наиболее передовые общества Востока по целому ряду направлений (например, таких как уровень развития государственности, урбанизации, грамотности, некоторых наук, грузоподъемности судов, качество промышленных изделий и др.). При этом момент достижения уровня передовых обществ Азии Европой (и разными европейскими странами) для различных показателей был разным. Причем если в узкотехнических аспектах (как, например, технология набивных ситцевых тканей) Запад мог прямо заимствовать технологии или опыт, то во многих других отношениях догоняющее развитие Запада осуществлялось совершенно иными путями, чем ранее на Востоке; таким образом, это было сокращение разрыва путем развития по другой траектории (то есть путем дивергенции).

В целом в начале Нового времени Запад реально превосходил Восток только в военном вооружении, способности судов к плаванию в открытом океане, некоторых технологиях или степени их распространения, а во многих отношениях Восток преобладал над Западом (о военном балансе Востока и Запада см.: Parker 1997). Поэтому и с учетом того, что одновременно происходил и процесс дивергенции, и процесс конвергенции, но последний осуществлялся иными, оригинальными способами, мы назвали период 1500–1750 гг. **догоняющей дивергенцией**. К дополнительному объяснению этого понятия мы еще вернемся. Здесь отметим только следующий аспект. Открытие Америки существенно изменило ситуацию не только для Европы, но и для Азии и Африки. Однако если для Европы главным стало поступление драгоценных металлов, использование колоний для производства технических культур, а также мощный рост торговли на этой

базе, то для Азии главным стал не факт торговли с европейцами (которая занимала не слишком большое место в общем объеме ее торговли) и даже не влияние наплыва серебра, а возможность адаптировать американские сельскохозяйственные культуры – батат, маниок, кукурузу и др. (последнее оказалось очень важным и для ряда обществ Африки). Обратим внимание, насколько быстрее они широко распространились в Азии, чем в Европе. Трудно переоценить значение кукурузы, картофеля, батата, маниока, арахиса для роста населения в Азии (и Африке). Таким образом, если открытие Америки для Европы означало рост богатства, то для Азии и т. д. – возможность продолжения прежнего курса на обеспечение условий для максимального роста населения. В этом отношении дивергенция усиливалась.

Дивергенция как синтез различных революций. Как догоняющая, так и Великая дивергенция могут быть глубже поняты, если мы рассмотрим их как результат нескольких взаимосвязанных революций, давших поистине синергетический эффект. *В этом комплексе революций каждая стала важной частью процесса дивергенции.* Прежде всего это промышленная революция в своих начальной, средней и завершающей фазах, о чем мы сказали выше. Каждая фаза знаменовала собой смену технологий и мощное развитие техники, энергетической базы, коммуникаций и прочего. По сути, уже во второй половине XVIII в. наблюдается начало демографической революции (*демографического перехода*)⁴ (Atmengaud 1976; Minghinton 1976: 85–89; Cipolla 1976: 15; Вишневский 1976; 2005), которая получила новый длительный импульс в результате распространения машинной промышленной революции. Но еще раньше, по сути, с XV в., в Европе началась информационная и культурная революция в результате распространения книгопечатания, достижений эпохи Возрождения, Реформации и Великих географических открытий. Ее сложно переоценить в плане распространения практических знаний и грамотности. Также необходимо говорить о первой научной революции в XVII–XVIII вв., предвестники которой заметны уже в XVI в. Без науки и научной базы промышленная революция не имела бы прочного базиса (о научной революции см.: Goldstone 2008b; Allen 2009; Рейснер 1986). Наконец, военная революция (или точнее – революции [Duffy 1980; Downing 1992; McNeill 1963; Parker 1996]) является важнейшей частью дивергенции (в этом плане о ней говорят недостаточно, как нам представляется). Между тем процессы, в результате которых в европейских странах возникла регулярная армия, постоянно совершенствовалась артиллерия и другое вооружение, система фортификаций и снабжения армии и т. п., трудно переоценить в плане развития не только техники, технологии (и науки), но и европейской государственности. Ведь регулярную армию нельзя ни создать, ни содержать без развитого государственного аппарата, изменения системы налогообложения, финансовой системы, развития грамотности, коммуникаций, социальных реформ и т. п. А постоянные войны при всех отрицательных сторонах требовали реформ, перенимания достижений соперников, напряжения сил, что являлось мощным источником развития. Некоторые аспекты ряда перечисленных выше революций будут рассмотрены ниже, хотя, конечно, влияние на дивергенцию каждой из этих революций заслуживает отдельного исследования.

⁴ В 1750 г. население Европы в целом оценивалось в 120–145 млн чел., в 1800 г. оно возросло до 180–190 млн чел. Ясно, что промышленная революция не могла оказать такого влияния на уровень численности, скорее это результат общего уровня развития и порядка в странах просвещенного абсолютизма и внутреннего мира, которого не было в XVII в., падения смертности за счет роста сельскохозяйственного производства, а также исчезновения голода, развития медицины, борьбы с эпидемиями (Atmengaud 1976: 28, 29, 38; Livi-Bacci 2012: 25, etc.).

История внешней торговли и Великая дивергенция. Структура внешней торговли сегодня очень много говорит о развитости экономик ее участников. Важно также, какая из сторон больше нуждается в контактах с другой. Но то же самое можно говорить и об экономиках прошлого. Отметим сразу, что вплоть до последней трети XIX в. именно Европа больше нуждалась в торговле с Востоком, особенно с Дальним Востоком, чем наоборот, хотя страны, бывшие в плотных контактах с Европой, такие как Турция и Египет, ощутили эту потребность намного раньше. Между тем, например, в менее сложных обществах Африки южнее Сахары (не говоря уж об обществах америндов) нужда в европейских товарах изначально была намного выше. История внешней торговли Европы и Азии может быть весьма показательной в плане темы этой главы. В XI–XIII вв., в том числе и в связи с Крестовыми походами, европейцы активно вовлеклись в торговлю с Востоком, расцвели торговые республики (особенно в Италии), города и их союзы, корпорации. В этот и последующий периоды вплоть до Великих географических открытий, помимо промышленных товаров, особенно желанными стали предметы роскоши и пряности (но самой Европе по-прежнему было особенно нечего предложить Азии). Одновременно начался и процесс импортозамещения (европейцы научились делать бумагу, шелк и прочее) (Burns 1996). В период Великих географических открытий колоссально возросли масштабы, изменились маршруты, а главное – торговля прочно соединилась с военно-морским преимуществом европейцев (хотя его еще и было недостаточно, чтобы изменить баланс сил коренным образом). Однако дисбаланс в торговле с Востоком был огромным, дефицит торгового баланса закрывался лишь благодаря многократному росту добычи серебра сначала в Центральной Европе⁵, потом в испанских колониях, а также благодаря вывозу золота из Африки. Однако то, что Запад был мировым лидером по добыче серебра, стало, по сути, одним из главных источников его могущества. В то же время с возникновением Ост-Индских компаний дополнительно увеличился импорт промышленных товаров с Востока, особенно тканей из Индии, качество которых славилось в течение веков, их прославлял еще Марко Поло, говоря, что «самые тонкие и красивейшие в мире ткани из хлопка делают в Масулипатаме». Таким образом, по-прежнему Азия превосходила Европу в плане объема и соотношения цены – качества промышленных товаров, а в ряде моментов и в технологиях (см., например: Ванина 1991). Тот факт, что наиболее развитые страны Востока (Китай, Япония и др.) не нуждались в европейских товарах, подтверждается политикой закрытости, которую с XVII в. приняли страны Восточной Азии – Китай, Япония, Корея и Вьетнам (см. ниже). Импортозамещение в Европе было процессом, идущим с позднего Средневековья. С появлением американских колоний оно приобрело новые аспекты, так как появилась возможность выращивать важные технические культуры, которые ранее надо было импортировать: сахарный тростник, кофе, хлопок, чай. Наконец, в XVII в. в Англии (и несколько раньше во Франции) начали самостоятельно производить ткани из хлопка⁶.

⁵ В том числе в Богемии и Саксонии в 1460–1530 гг. (Nef 1987: 735), что стало ответом на острую нехватку серебра (*The Silver Famines*) в 1320–1460-х гг. (Spufford 1987).

⁶ Однако во Франции в конце века под давлением производителей и торговцев шелковыми и шерстяными тканями со стороны могущественного Ж.-Б. Кольбера последовал полный запрет на производство хлопчатобумажных тканей, поскольку последние составляли серьезную конкуренцию первым, а в Англии (по той же причине) – частичный (Манту 1937; Чичеров 1965; Allen 2009; Аллен 2014). Важно, что если в отношении производства шелка и фарфора в Европе имелся полный цикл (от сырья до готовой продукции), для текстильной промышленности требовалось сырье. Кажется, это был единственный товар широкого спроса, для которого Азия в этот период стала поставщиком сырья.

Таким образом, в торговле между Европой и Азией произошел важный перелом, который был предвестником начала Великой дивергенции. Азия стала поставщиком сырья в большом объеме, который начал достаточно быстро расти с конца 1730-х гг. (что по времени совпало с уменьшением запретов на производство хлопчатых тканей в Англии и с изобретением ткацкого станка Дж. Кея). Но даже через 40 лет после начала промышленной революции, несмотря на колоссальный прогресс в удешевлении производства, еще в 1802 г., как пишет Р. Аллен, экспорт пряжи и тканей в Индию из Англии в этот период был невыгоден, так как себестоимость фунта английской нити сорокового номера была 60 пенсов – почти в полтора раза выше, чем в Индии (Allen 2009; Аллен 2014). Это показывало глубину различий в мастерстве ремесленников Востока и их европейских собратьев (равно как и разницу в уровне жизни). Зато импорт хлопка возрастал⁷. Наконец, началось и мощное расширение экспорта английского текстиля в Индию, что ознаменовало окончательную победу Европы над азиатской ручной промышленностью и переход дивергенции в открытую и яркую форму. Но все же еще для налаживания широкой торговли с дальневосточными странами Англии, Франции и США потребовались войны и угроза войн. Далее войны за торговые преимущества переросли в колониальные. В Азию хлынули самые разные европейские товары, а азиатское сельское хозяйство начало все заметнее перестраиваться под европейский спрос, доля технических культур, а также другого сырья в нем росла.

Процесс Великой дивергенции пошел полным ходом, но почти сразу же процесс открытия и расширения рынков сбыта потребовал экспорта капитала, прежде всего в инфраструктуру, а также и в расширение производства сырья. Масштаб строительства коммуникаций в некоторых колониях, включая телеграф и почтовую связь, было потрясающим. Развитие системы коммуникаций, инфраструктуры и образования открыло также возможность для экспорта промышленного капитала. Западные технологии начинали проникать на Восток. Это было началом рубежа, когда постепенно стали складываться предпосылки Великой конвергенции⁸.

Великая дивергенция в апогее. Великая дивергенция – это также и важная часть процесса глобализации, которая во многом происходила под влиянием европейской силы и европейского принуждения, но которая только и могла в конечном счете побудить восточные страны к догоняющей модернизации, успешный образец которой – Япония – стал показателем того, что пути Востока и Запада различаются не фатально. *Период до Первой мировой войны можно рассматривать как апогей дивергенции, после чего более активно пошли процессы, подготовившие Великую конвергенцию.* Причем отметим, что здесь начался сходящийся процесс: чем активнее колонии начинали требовать самостоятельности, тем больше метрополии делали для них. Процесс развития колониальной и полуколониальной периферии усилился в результате двух мировых войн. Можно сказать, что в целом они существенно помогли и развитию местной промышленности и хозяйства, и росту национального самосознания.

⁷ Между 1750 и 1850 гг. Великобритания увеличила количество используемого ее промышленностью хлопка-сырца с 1 тысячи до 267 тысяч тонн (Mitchell 1978: 253). Но к 1850 г. остальная Европа ввозила еще около 130 тысяч тонн этого сырого продукта (Там же).

⁸ 1870–1990 гг. в этом плане выглядят в чем-то зеркальным отражением XVI–XVIII вв. В XVI–XVIII вв. наблюдалась мощная скрытая дивергенция Запада и Востока, которая проявилась в открытом виде после 1800 г. Период 1870–1990 гг. можно охарактеризовать как период скрытой конвергенции, которая в плане конвергенции по ВВП на душу населения стала явно прослеживаться только с конца 1980-х гг.

Великая дивергенция XIX в. – это процесс не просто расхождения в уровне развитости Европы и остального мира, но и создания нового типа мировой экономической системы, в которой хозяйства разных стран включаются в единую мирохозяйственную или мироторговую систему (но с весьма разными ролями, прежде всего в виде центра, полупериферии и периферии) Мир-Системы в современном смысле слова. В таком аспекте процесс Великой дивергенции был хорошо исследован мир-системной школой (Wallerstein 1974; 1980; 1988; Frank 1979; So 1984; Arrighi 1994; Chase-Dunn 1998; Chase-Dunn, Kawano, Brewer 2000; Amin 2010; Chase-Dunn, Lerro 2013; см. также: Grinin, Korotayev 2012; 2013; 2014), ряд представителей которой, однако, не увидели коренного изменения тренда – смены Великой дивергенции Великой конвергенцией в конце XX в.

Последний этап дивергенции и глобализация. Наконец, послевоенный период можно рассматривать как новый этап взаимоотношений между Востоком и Западом. Здесь соединились, как и в процессе догоняющей конвергенции ранее, несколько революций и революционных по сути процессов, которые в итоге через несколько десятилетий повернули тренд с дивергенции на конвергенцию, что в самые последние десятилетия было во многом связано с начавшейся глобализацией:

1) освобождение развивающихся стран от колониальной и полуколониальной зависимости, что способствовало появлению разных моделей их развития, формированию во многих из них секторов современной добывающей и обрабатывающей промышленности, слоя интеллигенции и прочего;

2) период 1950–1960-х гг. традиционно рассматривался как период новой технологической революции (научно-технической, научно-информационной и т. п. [см., например: Бернал 1956; Bernal 1965; Benson, Lloyd 1983]; в нашей терминологии – кибернетической революции [Grinin 2012a; Grinin L., Grinin A. 2013; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2014; 2016]). Это ускорение, с одной стороны, даже усилило процесс дивергенции, однако это уже было ее последним всплеском, но с другой – результаты этой революции стали активно применяться и в развивающихся странах;

3) в 1960-е гг. в странах Запада началась новая волна спада рождаемости (так называемый «второй демографический переход» [Lesthaeghe, van de Kaa 1986; van de Kaa 1987; 1994; Lesthaeghe 1995]), в развивающихся же странах в 1950–1960-е гг. происходило стремительное сокращение смертности на фоне все еще высокой рождаемости. К концу 1980-х гг. это привело к угрозе сокращения численности населения трудоспособного возраста в странах мир-системного центра на фоне ее стремительного роста в странах мир-системной периферии, что создало особенно мощные стимулы для переноса трудоемких производств из развитых стран в развивающиеся;

4) можно отметить и так называемую «зеленую революцию» в ряде стран, благодаря чему проблемы снабжения резко возросшего населения продовольствием были в них по минимуму решены;

5) важную роль в развитии ряда стран сыграл нефтяной кризис 1970-х гг., в результате которого огромные финансовые ресурсы стали вкладываться в развитие нефтедобывающих стран;

6) можно говорить о переходе к новому типу экономики в западных странах (условно постиндустриальному), в котором главным сектором стал сектор услуг. Соответственно это подготовило почву для переноса промышленности в развивающиеся страны;

7) многие страны взяли на вооружение идеи догоняющей модернизации, в результате чего развивали свои промышленность, образование и т. п.;

8) глобализация, которая создала «прозрачность» экономических границ к началу 1990-х гг. таким образом, что увеличила до критической степени интенсивность перетока с центра на периферию Мир-Системы капитала и технологий;

9) в высокой степени этому способствовало и развитие новых информационных технологий;

10) наконец, также во многом благодаря глобализации большинству развивающихся стран к началу 1990-х гг. удалось сократить разрыв с развитыми странами по уровню развития человеческого капитала до критически малого уровня, обеспечившего реальную возможность переноса очень большого количества производств из центра на периферию Мир-Системы, что способствовало резкому усилению потока из развитых стран в развивающиеся технологии и капитала и запустило процесс Великой конвергенции. В этом плане можно сказать, что Великая конвергенция была запущена новой волной глобализации, начавшейся в конце 1980 – начале 1990-х гг.

Великая конвергенция и подъем Востока. О теории конвергенции и темпах роста в развитых и развивающихся странах

Основы теории конвергенции развитых и развивающихся стран были заложены в 1950-е гг. А. Гершенкроном и Р. М. Солоу⁹ (см., например: Gerschenkron 1952; 1962; Solow 1956). Гершенкрон рассматривал в качестве основного фактора, движущего вперед процесс конвергенции, диффузию технологий. П. Самуэльсон и В. Нордхаус довольно удачно сформулировали главные идеи этой концепции:

Сегодня бедные страны имеют значительные преимущества по сравнению с пионерами индустриального развития. Развивающиеся нации могут заимствовать капиталы, знания и технологии у более передовых. Согласно гипотезе, выдвинутой Александром Гершенкроном из Гарварда, *относительная отсталость* может способствовать развитию¹⁰... Поскольку страны с низким доходом получают от лидеров самые современные технологии... некоторые страны или регионы с низким доходом проявляют тенденцию к более быстрому росту, чем страны с высоким доходом (Самуэльсон, Нордхаус 2009: 312–313; Samuelson, Nordhaus 2005: 584).

Теория конвергенции, восходящая к Р. М. Солоу, во многом вытекала из его знаменитой модели экономического роста, из которой следует, что при относительно низкой капиталовооруженности (характерной для развивающихся стран) те же самые капиталовложения в тенденции дают более высокую отдачу, чем при высокой капиталовооруженности (характерной для развитых стран):

При прочих равных условиях страны с низким уровнем развития имеют предпосылки для более быстрого экономического роста. Такой результат влияния начальных условий на темпы последующего развития иногда называют эффектом «быстрого старта». В бедных странах рабочие зачастую не имеют даже самых простых инструментов, поэтому производительность труда находится на очень низком уровне. А в результате ее заметный рост может

⁹ Эту теорию важно не путать с теорией конвергенции развития социалистических и капиталистических стран, разработанной в 1960-е гг. Дж. К. Гэлбрэйтом и П. А. Сорокиным (см., например: Galbraith 1958; 1967; 1989; Sorokin 1960).

¹⁰ Подробнее см., например: Gerschenkron 1952; 1962; Блауг 2008: 68.

быть достигнут при самых незначительных инвестициях. В развитых же странах техническая оснащенность производства очень высока. Вследствие этого даже значительный прирост капитала, приходящегося на одного рабочего, приводит к весьма небольшому росту производительности. Анализ показателей экономического развития разных стран подтверждает наличие эффекта «быстрого старта»: при равенстве прочих показателей, в частности доли ВВП, направляемой на инвестиции, бедные страны достигают более высоких темпов экономического роста, чем богатые (Мэнкью 2009: 186–187).

Э. Абель и Б. Бернанке¹¹ также обращают внимание на следующее обстоятельство:

Согласно модели Солоу, если экономики являются открытыми и свободно осуществляются международные заимствования, то безусловную конвергенцию поддерживают некоторые дополнительные экономические силы... Так как более бедные страны имеют меньше капитала на одного работника и поэтому более высокий предельный продукт капитала, чем более богатые страны, субъекты сбережений из всех стран смогут получить большие доходы, инвестируя в бедные страны. Поэтому иностранные инвестиции должны обеспечивать более быстрый рост запасов капитала в бедных странах, даже если уровень отечественных сбережений в этих странах невысок (Абель, Бернанке 2008: 306).

Нетрудно заметить, что оба данных фактора ускоренных темпов роста периферийных экономик являются взаимодополнительными, ибо диффузия капитала в тенденции дополняется диффузией технологии (более того, диффузия капитала и является одним из важнейших факторов создания каналов диффузии технологий). С другой стороны, достаточно очевидно, что капитал при прочих равных (включая отсутствие слишком большого разрыва в уровне образованности и здоровья рабочих¹²) и при достаточно экономически прозрачных границах имеет тенденцию перетекать из стран с более высоким уровнем ВВП на душу населения (а значит, и практически всегда с более высокой зарплатой) в страны с более низким уровнем ВВП (а значит, и с более низкой зарплатой), в результате чего темпы экономического роста снижаются в первых и повышаются во вторых (см., например: Jones 1997). Кроме того, в силу данного обстоятельства в условиях высокой технологической и торговой связанности товары, производимые в развивающихся странах и на предприятиях, создаваемых национальным капиталом, оказываются дешевле, чем их аналоги, произведенные на предприятиях развитых стран, в результате чего их продукция начинает теснить западные товары как на внутренних, так и на внешних (и в том числе западных) рынках.

Поэтому в объяснении нуждается скорее наблюдавшееся еще совсем недавно опережение по темпам экономического роста развитыми странами развивающихся.

В качестве одного из важнейших факторов здесь (наряду, естественно, с оставшимся долгое время недостаточным уровнем образованности и здоровья населения многих стран третьего мира) выступала недостаточная прозрачность экономических границ, в высокой степени связанная с разного рода левацкими экономическими экспериментами, начиная от попыток (нередко вполне успеш-

¹¹ Более известный в настоящее время, конечно, не как один из авторов одного из наиболее популярных учебников по макроэкономике, а как бывший председатель Федеральной резервной системы США.

¹² То есть, по сути дела, в уровне развития человеческого капитала.

ных) полного огосударствления экономики (снижавшего прозрачность экономических границ до уровня, близкого к нулевому) и заканчивая с виду безобидными запретами на вывоз прибыли (в реальности в большинстве случаев вполне эффективно блокировавшими внешние инвестиции). В этом плане наметившаяся в последние годы тенденция к постепенному выравниванию уровня экономического развития стран первого и третьего мира является достаточно логичным следствием нарастающей реальной глобализации, невозможной без роста прозрачности экономических границ. Эта тенденция стала также результатом роста уровня образованности и здоровья населения развивающихся стран и тесно связанного с этим продвижения к завершению демографического перехода, произошедшего в результате того, что к 1990-м гг. большинству стран третьего мира удалось добиться резкого увеличения уровня образованности и здоровья населения¹³. Это, с одной стороны, стимулировало экономический рост, а с другой – способствовало сокращению рождаемости и весьма значительному замедлению темпов роста населения. В результате всех этих процессов мы и наблюдали в последние годы в большинстве стран периферии значительно более высокие темпы роста ВВП на душу населения, чем в большинстве стран центра, а значит, и совершенно закономерное достаточно быстрое сокращение разрыва по уровню жизни между развитыми и развивающимися странами.

Особо отметим, что, как показывают приводимые ниже графики, сокращение это происходит заметно более быстрыми темпами, чем шло нарастание данного разрыва вплоть до начала 70-х гг. прошлого века. Это вполне объяснимо, поскольку послевоенный рост (1950–1973) в западных странах затем сменился замедлением, каковое мы и наблюдаем до сих пор. Этот подъем, а затем замедление в темпах роста некоторые экономисты называют соответственно долгим подъемом и долгим спадом (см., например: Бреннер 2014). Кстати будет заметить, что «загадка долгого спада», которую Р. Бреннер пытается разгадать, хорошо объясняется двумя теориями: Великой конвергенции, которую мы излагаем в данной главе, и теорией длинных циклов Н. Д. Кондратьева¹⁴.

Истоки Великой конвергенции

Рассмотрение Великой конвергенции целесообразно начать с выяснения вопроса о том, когда она началась. А для этого необходимо рассмотреть количественную динамику разрыва между первым и третьим миром в долгосрочной перспективе.

Долгосрочные тенденции дивергенции/конвергенции по ВВП

Согласно данным А. Мэддисона, доля Запада в мировом ВВП достаточно заметно выросла за 1000–1800 гг., однако взрывообразный рост этой доли начался после 1800 г. К концу XIX в. доля Запада в мировом ВВП превысила 50 %, а в 1950–1960-е гг. превышала 60 %. С конца же 1960-х гг. эта доля начала снижаться все более быстрыми темпами (см. Рис. 15.1).

¹³ То есть, по сути дела, уровня развития человеческого капитала.

¹⁴ Долгий подъем приходится на повышательную фазу четвертого кондратьевского цикла, а долгий спад соответственно на понижательную его фазу и на пятый кондратьевский цикл, основной рост которого происходил за счет периферии (см.: Гринин 2013; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Коротаев 2012; Гринин, Коротаев, Цирель 2011; Коротаев, Гринин 2012; Коротаев 2013; Коротаев, Хаматшин и др. 2010; Коротаев и др. 2014; Коротаев, Билюга 2016; Коротаев, Халтурина 2009; Малков, Коротаев, Божевольнов 2010; Малков и др. 2010; Korotayev, Grinin 2012; Grinin, Korotayev 2015; Grinin, Korotayev, Tausch 2016; Korotayev, Zinkina 2014; Korotayev *et al.* 2011a; 2011b; 2012). Замедление темпов роста экономически развитых стран объясняется также особенностями технологических революций (см. подробнее: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015).

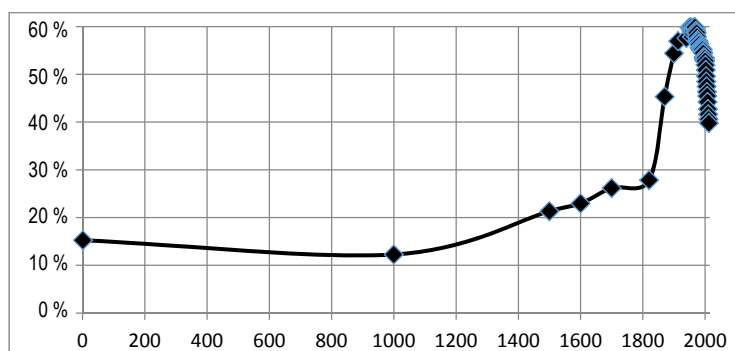

Рис. 15.1. Динамика доли «Запада»¹⁵ в мировом ВВП (по А. Мэддисону)

Источники данных: до 2008 г. (включительно) – Maddison 2010; после 2008 г. – World Bank 2016: NY.GDP.МКТР.РР.КД. Для обеспечения совместимости данных для периода после 2008 г. данные Всемирного банка по ВВП были пересчитаны в соответствии с мэддисоновскими коэффициентами перевода номинальных долларов в доллары по паритетам покупательной способности (ППС).

Обращает на себя внимание, что данная кривая удивительно похожа на кривую относительных темпов роста численности населения мира (см. Рис. 15.2).

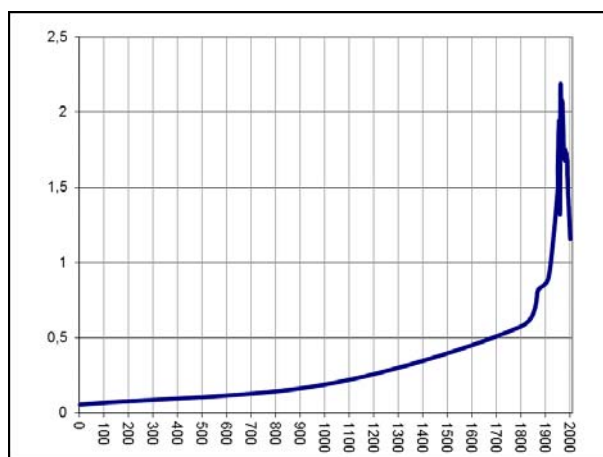

Рис. 15.2. Динамика изменения относительных темпов роста населения мира, 1–2003 гг. н. э. (%)

Источник: Коротаяев, Малков, Халтурина 2007: 12. До 1800 г. приводится линия тренда без учета циклических и стохастических колебаний.

Мы полагаем, что это совпадение отнюдь не случайно. Уже ранее нами было сделано следующее наблюдение: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что перелом двухвековой тенденции роста разрыва по уровню жизни между центром и периферией¹⁶ на тенденцию к сокращению этого разрыва с удивительной точностью (практически до года) совпал с переломом целого ряда других много-

¹⁵ Здесь и далее в качестве Запада условно обозначается следующая группа стран: все западноевропейские государства, США, Австралия, Новая Зеландия, Канада и Япония.

¹⁶ Как мы увидим ниже, кривая долгосрочного разрыва за 1000–1800 гг. между первым и третьим миром по ВВП на душу населения еще больше похожа на кривую динамики темпов роста населения мира.

вековых (и даже иногда многотысячелетних) тенденций на прямо противоположные. Здесь необходимо отметить переход от многотысячелетних тенденций увеличения относительных темпов роста населения и ВВП (а также ВВП на душу населения) к прямо противоположным тенденциям уменьшения этих темпов. Также отметим переход от многотысячелетней тенденции уменьшения эффективности использования энергии к прямо противоположной. Имеются определенные основания предполагать, что совпадение это отнюдь не случайно и отражает тот факт, что мы имеем здесь дело с разными сторонами единого процесса развития Мир-Системы, с разными сторонами единого процесса выхода Мир-Системы из режима с обострением и начала движения к траектории устойчивого развития. Действительно, у всех этих новых, оформившихся в 1970–1980-е гг. тенденций (тенденций к замедлению относительных темпов роста мирового населения и ВВП, к сокращению удельной энергозатратности ВВП, к уменьшению экономического разрыва между центром и периферией) есть и некоторый “общий знаменатель” – все они в той или иной степени ведут к стабилизации развития Мир-Системы, к некоторому снятию многих накопившихся в ней структурных напряжений» (Коротаев, Халтурина, Малков и др. 2010: 68–69; см. также: Коротаев 2014; 2015а; 2015б; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015).

Динамика конвергенции: изменение доли ВВП Запада и остального мира в Новое и Новейшее время и в современный период

Рассмотрим теперь динамику доли ВВП Запада и остального мира после 1800 г. (Рис. 15.3).

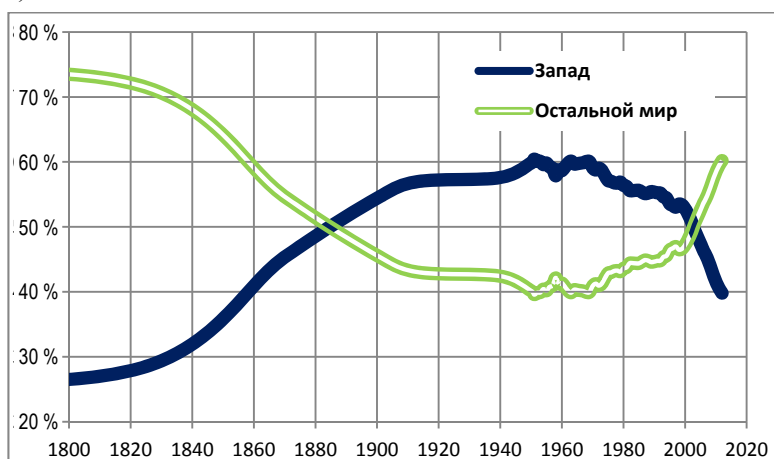

Рис. 15.3. Динамика доли Запада и остального мира в мировом ВВП после 1800 г. (по А. Мэддисону)

Источники данных: до 2008 г. (включительно) – Maddison 2010; после 2008 г. – World Bank 2016: NY.GDP.MKTR.PP.KD. Для обеспечения совместимости данных для периода после 2008 г. данные Всемирного банка по ВВП были пересчитаны в соответствии с мэддисоновскими коэффициентами перевода номинальных долларов в доллары по паритетам покупательной способности.

На данной диаграмме хорошо видно, что, согласно Мэддисону, доля Запада в мировом ВВП начала достаточно устойчиво сокращаться с конца 1960-х гг., однако вплоть до конца 1990-х гг. это происходило довольно медленными темпами; по-

настоящему быстрыми темпами доля Запада в мировом ВВП стала сокращаться (а доля остального мира соответственно увеличиваться) после 2000 г. При сохранении этих темпов соотношение между Западом и не-Западом по вкладу в мировой ВВП вернется к уровню, наблюдавшемуся до начала Великой дивергенции (≈ 1800 г.), уже через 15–20 лет¹⁷.

Особенно наглядно то обстоятельство, что суммарный ВВП стран Запада, согласно А. Мэддисону, уже довольно давно растет значительно медленнее, чем ВВП остального мира, видно на Рис. 15.4.

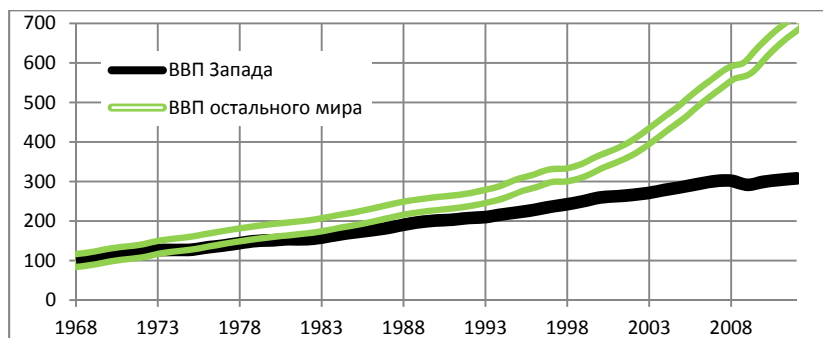

Рис. 15.4. Относительная динамика производства ВВП для Запада и остального мира (по А. Мэддисону), 1968–2012 гг., 100 = уровень 1968 г.

Как мы видим, если суммарный ВВП не-Запада за 1968–2012 гг. вырос в семь раз¹⁸, то ВВП стран Запада – лишь в три. Однако в по-настоящему радикальный отрыв относительно темпов роста экономик Запада темпы роста ВВП стран не-Запада ушли после 2000 г.¹⁹ (см. Рис. 15.5).

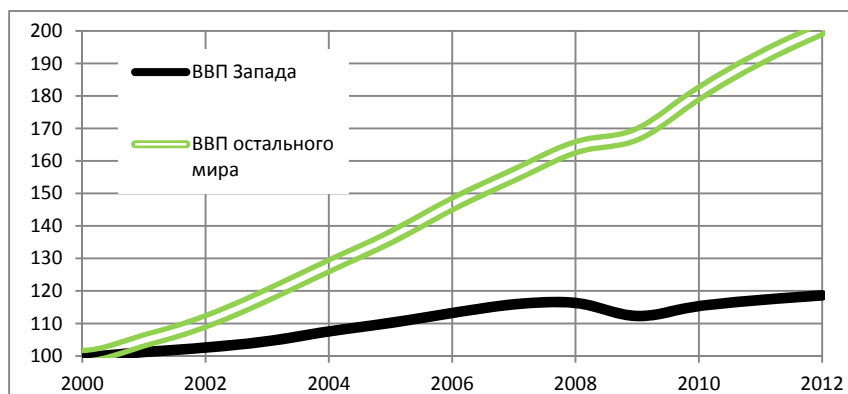

Рис. 15.5. Относительная динамика производства ВВП для Запада и остального мира (по А. Мэддисону), 2000–2012 гг., 100 = уровень 2000 г.

¹⁷ Впрочем, имеются основания сомневаться в том, что столь высокие темпы реально сохранятся в ближайшие 15–20 лет, а не замедлятся. В последние годы (2013–2016), действительно, средние темпы роста незападных стран замедляются, но они все же выше темпов роста развитых стран и среднемировых.

¹⁸ Подчеркнем – при использовании принятых А. Мэддисоном коэффициентов пересчета ВВП по паритетам покупательной способности. Как мы увидим ниже, при использовании иных коэффициентов мы получим в этом случае существенно иные результаты (прежде всего для периода 1968–1998 гг.).

¹⁹ И, как мы увидим ниже, аналогичный результат в этом случае мы получим при использовании любых коэффициентов пересчета ВВП по ППС.

Как мы видим, если после 2000 г. суммарный ВВП стран Запада вырос всего на 20 %, то ВВП остального мира удвоился, то есть увеличился на 100 %, таким образом, по среднегодовым темпам экономического роста в этот период не-Запад обгонял Запад в 5 (!) раз.

Вместе с тем исключительно важно отдавать себе отчет в том, сколь много здесь зависит от единицы измерения, от того, какими долларами мы считаем ВВП и какими коэффициентами пересчета по паритетам покупательной способности мы пользуемся. Действительно, как только мы начинаем пользоваться коэффициентами пересчета по ППС, принятыми Всемирным банком, ситуация меняется самым существенным образом (см. Рис. 15.6).

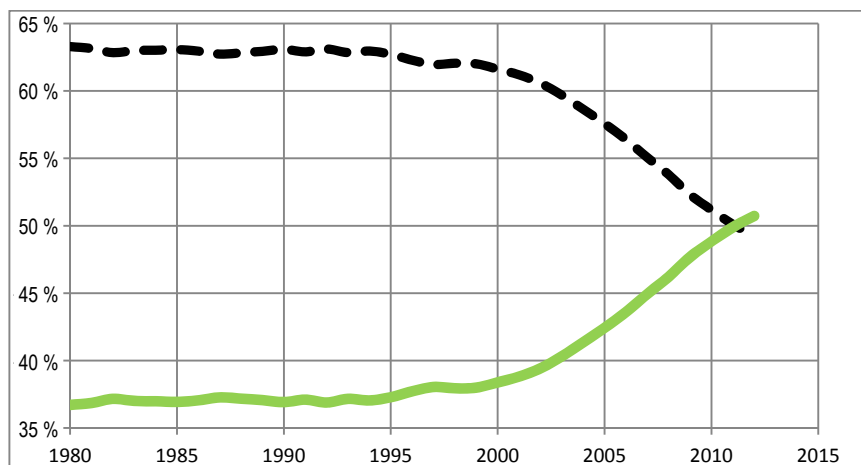

Рис. 15.6. Динамика доли Западной и остального мира в мировом ВВП после 1980 г. (данные в постоянных международных долларах 2005 г. в пересчете по коэффициентам паритета покупательной способности Всемирного банка). Пунктирная линия – Запад. Сплошная линия – остальной мир

Источник данных: World Bank 2016: NY.GDP.MKTP.PP.KD.

Как мы видим, при использовании коэффициентов пересчета по паритетам покупательной способности, принятых Всемирным банком, получается, что конвергенция между Западом и остальным миром по ВВП реально началась лишь после 1994 г.; при этом вплоть до 1999 г. она шла очень медленными темпами, в 1999–2002 гг. заметно ускорилась, но особо быстрые темпы наблюдались после 2002 г. – и при этом столь быстрые, что уже в 2012 г. доля не-Запада в мировом ВВП превысила долю Запада (и это притом что всего 15 лет назад доля Запада была выше доли всего остального мира почти в два раза).

Отметим, что данные Всемирного банка по относительной динамике роста ВВП стран Запада и не-Запада после 2000 г. (в долларах 2005 г., пересчитанных по ППС с использованием принятых Всемирным банком коэффициентов) отражают картину, очень близкую той, что мы могли видеть у Мэддисона (см. Рис. 15.7).

Почти полная идентичность кривых за 2008–2012 гг. здесь и неудивительна, ибо ряд данных Мэддисона был продлен нами на эти годы как раз с опорой на данные Всемирного банка; более примечательно здесь то, что данные как Мэддисона, так и Всемирного банка отражают очень сходную картину для периода 2000–2008 гг.

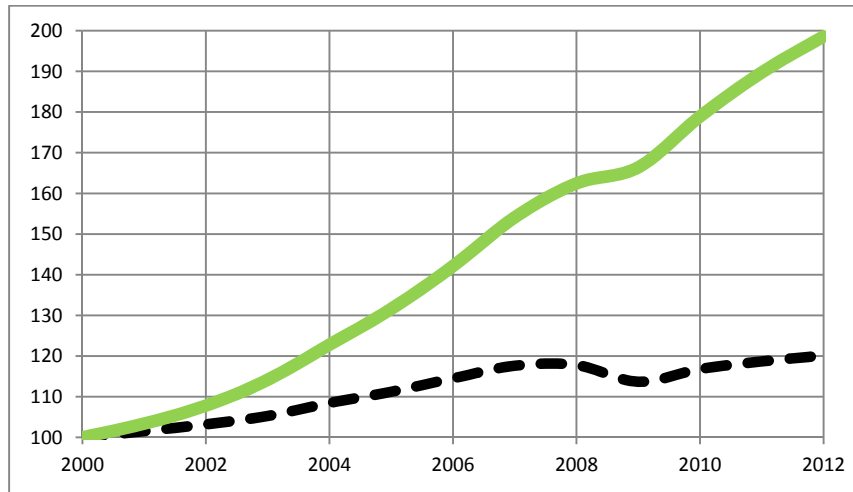

Рис. 15.7. Относительная динамика производства ВВП для Запада и остального мира (по данным Всемирного банка с расчетом в международных долларах 2005 г. по ППС), 2000–2012 гг., 100 = уровень 2000 г. Пунктирная линия – Запад. Сплошная линия – остальной мир

Несколько отличная картина получается при использовании данных по ВВП, рассчитанному в долларах США по текущему обменному курсу (см. Рис. 15.8).

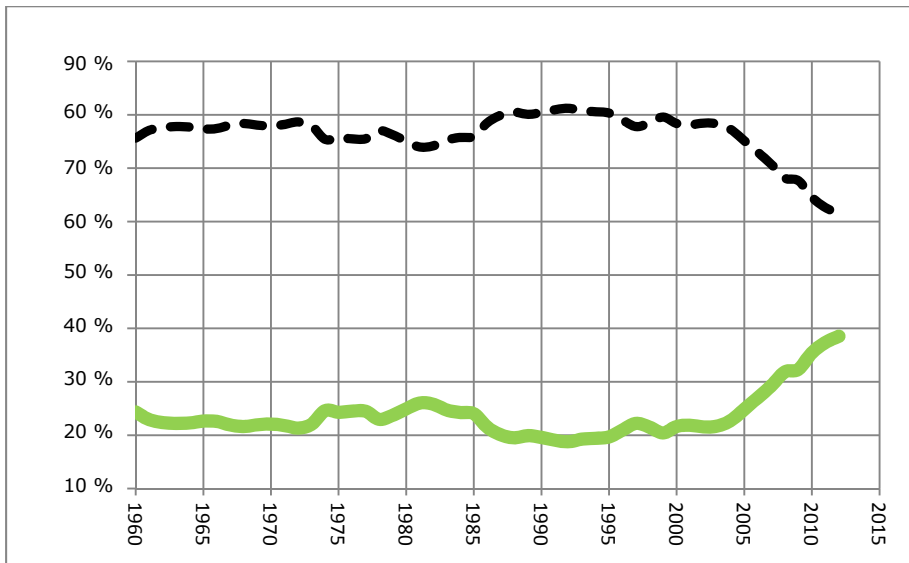

Рис. 15.8. Динамика доли Запада и остального мира в мировом ВВП после 1980 г. (рассчитано по данным в постоянных долларах США по текущему обменному курсу). Пунктирная линия – Запад. Сплошная линия – остальной мир

Источник данных: World Bank 2016: NY.GDP.MKTP.CD.

Как мы видим, при расчете ВВП в долларах США по текущему обменному курсу получается, что достаточно быстрая конвергенция по доле Запада и не-Запада в мировом ВВП началась еще позднее – после 2003 г. (хотя какая-то конвергенция прослеживается для 1992–2003 гг. и здесь, но при данном методе расчета ВВП для этого периода речь может идти лишь о крайне медленной и неуверенной конвергенции). Более того, при расчете ВВП в долларах США по текущему обменному курсу получается, что доля Запада в мировом ВВП продолжает до сих пор превышать долю не-Запада – и при этом речь до сих пор идет об очень значительном (в полтора раза) разрыве. С другой стороны, и при расчете данным способом получается, что после 2003 г. конвергенция между Западом и не-Западом по доле в мировом ВВП идет исключительно быстрыми темпами – всего за 9 лет не-Западу удалось сократить свое отставание от Запада вдвое, и при сохранении тенденций 2000-х гг. не-Запад мог бы догнать Запад в течение ближайших лет и по этому показателю. При этом и при подсчете ВВП в долларах по текущему обменному курсу получается, что экономика не-Запада растет в последние годы в среднем в пять раз быстрее, чем экономика стран Запада (см. Рис. 15.9).

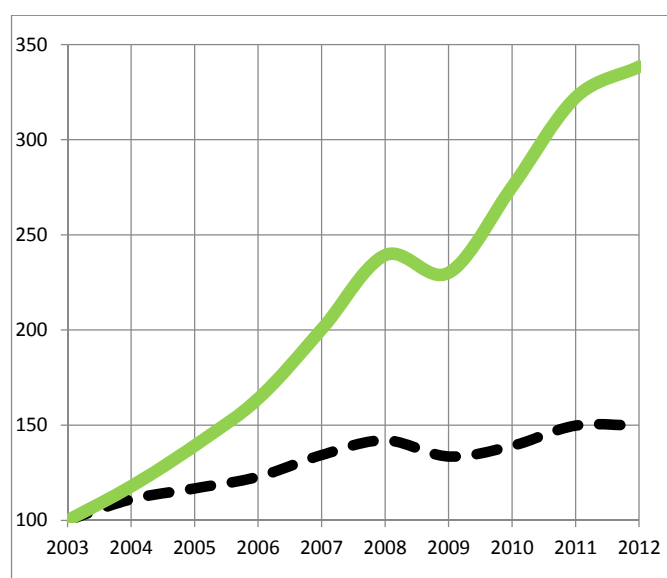

Рис. 15.9. Относительная динамика производства ВВП для Запада и остального мира (по данным Всемирного банка с расчетом в долларах США по текущему обменному курсу), 2003–2012 гг., 100 = уровень 2003 г. Пунктирная линия – Запад. Сплошная линия – остальной мир

Таким образом, притом что разные ряды данных рисуют достаточно разную картину конвергенции между Западом и не-Западом по доле в мировом ВВП, все они едины в том, что в последние годы эта конвергенция идет исключительно быстрыми темпами.

Отметим, что очень близкая картина конвергенции была выявлена У. Томпсоном при попытке проследить долгосрочную динамику доли Запада в мировом промышленном производстве (см. Рис. 15.10).

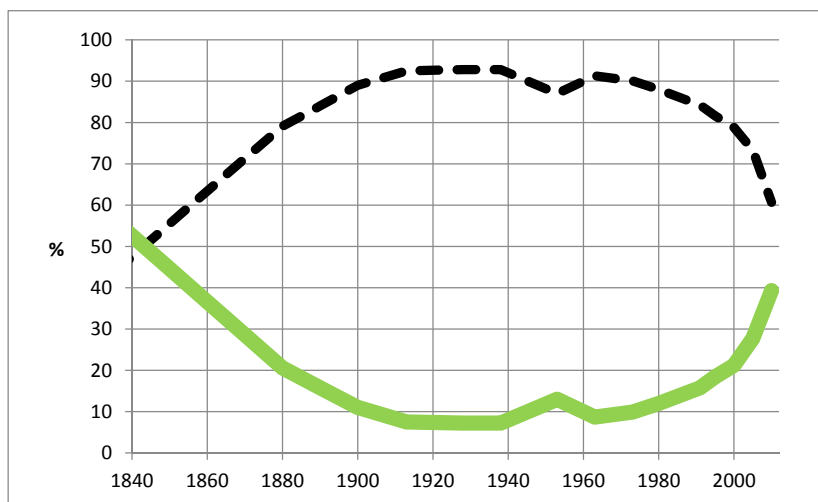

Рис. 15.10. Динамика доли Запада и остального мира в мировом промышленном производстве, 1840–2010 гг. Пунктирная линия – Запад. Сплошная линия – остальной мир

Источник: Thompson 2014.

Как мы видим, и по расчетам Томпсона действительно быстрая конвергенция между Западом и не-Западом по рассматриваемому им показателю началась лишь после 2000 г., но зато затем она уже пошла невероятно быстрыми темпами – так что за 2005–2010 гг. (всего за пять лет!) разрыв между Западом и не-Западом по доле в мировом промышленном производстве сократился почти в два раза.

О динамике доли Запада в общей численности населения мира

Для дальнейшего понимания проблемы Великой дивергенции и Великой конвергенции очень важно учитывать динамику доли Запада в общей численности населения мира (см. Рис. 15.11 и 15.12).

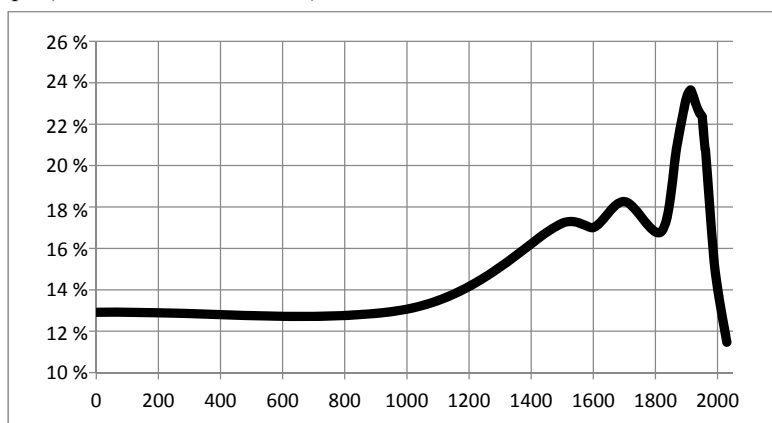

Рис. 15.11. Динамика доли Запада в общей численности населения мира, 1–2009 гг., с прогнозом до 2030 г.

Источник данных: Maddison 2010.

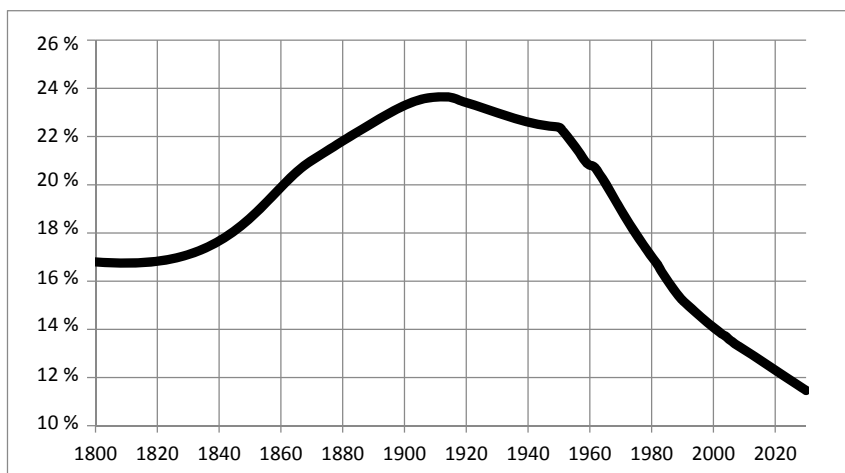

Рис. 15.12. Динамика доли Запада в общей численности населения мира, 1800–2009 гг., с прогнозом до 2030 г.

Источник данных: Maddison 2010.

Как мы видим, то обстоятельство, что особенно быстрая дивергенция между Западом и не-Западом по их доле в мировом ВВП наблюдалась в XIX в., имеет мощную демографическую компоненту. Взрывообразный рост доли Запада в этом веке объяснялся как стремительным (по крайней мере, в тысячелетней перспективе) ростом производительности труда (а значит, и ВВП на душу населения) в связи с модернизацией экономики²⁰, так и достаточно быстрым ростом доли населения Запада в общей численности населения мира. Это, в свою очередь, было связано с тем, что численность населения стран Запада в XIX в. росла значительно быстрее, чем численность населения остальной части мира. Данное обстоятельство тоже было совершенно неслучайным – собственно говоря, ускорение роста производительности труда и ускорение темпов роста населения в странах Запада было двумя сторонами единого модернизационного процесса. Одним из важнейших последствий интенсивной экономической модернизации стран Запада в XIX в. была и его интенсивная демографическая модернизация – другими словами, начало демографического перехода (Вишневский 1976; 2005; Chesnais 1992; Caldwell 2006; Dyson 2010; Livi-Bacci 2012). Как известно, в первой фазе демографического перехода (которую страны Запада проходили как раз в XIX в.) наблюдается значительное снижение смертности (Вишневский 1976; 2005; Chesnais 1992; Caldwell 2006; Gould 2009; Dyson 2010; Reher 2011; Livi-Bacci 2012). Сопоставимое снижение рождаемости наблюдается только во второй его фазе (в которую страны Запада вошли только в самом конце XIX – начале XX в.). Соответственно на протяжении почти всего XIX в. значительное снижение смертности в странах Запада происходило на фоне все еще высокой рождаемости, что вело к весьма значительному увеличению темпов естественного прироста населения (в связи с запозданием модернизации аналогичное ускорение демографического роста в подавляющем большинстве стран не-Запада произошло лишь в XX в.).

²⁰ В то время как остальной мир значительно отставал от Запада в экономической модернизации, а следовательно, и в росте производительности труда.

Таким образом, в XIX в. в странах Запада темпы роста ВВП на душу населения, гораздо более высокие, чем в остальном мире (см. также: Мельянцев 2015: 6, график 1), совершенно закономерно сопровождалась и значительно более высокими (чем в остальном мире) темпами роста населения, что и вело к особо быстрому росту доли ВВП стран Запада в мировом ВВП.

С другой стороны, в XX в. страны Запада вступили во вторую фазу демографического перехода, рождаемость в них стала все более и более снижаться, а темпы демографического роста, соответственно, все более и более замедляться. Большинство же стран не-Запада в XX в. вступило как раз в первую фазу демографического перехода, что означало значительное снижение смертности на фоне все еще высокой рождаемости. В результате уже к началу Первой мировой войны доля Запада в общей численности населения мира достигла своего пика, после чего она начала снижаться, но до начала 1950-х гг. это снижение шло очень медленными темпами. Однако в 1950-е гг., со вступлением большинства стран третьего мира в первую фазу демографического перехода, в этих странах начался демографический взрыв, который происходил к тому же на фоне все большего снижения рождаемости в первом мире – в результате в 1950-е, 1960-е и 1970-е гг. доля стран Запада в общей численности мирового населения стремительно сокращалась. Темпы этого сокращения стали замедляться лишь с конца 1980-х гг. в результате вступления большинства стран третьего мира во вторую фазу демографического перехода (см., например: Caldwell 2006; Gould 2009; Dyson 2010; Reher 2011).

Достаточно быстрая конвергенция по ВВП на душу населения между первым и третьим миром началась еще в самом начале 1990-х гг., с некоторой заминкой в конце этого десятилетия (см. Рис. 15.13; см. также: Мельянцев 2015: 6, график 1).

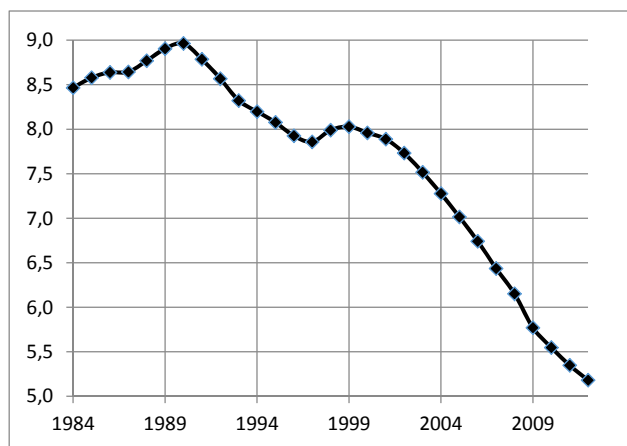

Рис. 15.13. Динамика разрыва (в разы) между развитыми странами (= первым миром) и развивающимися странами (= третьим миром) по ВВП на душу населения (исчисленного в международных долларах 2005 г. по паритетам покупательной способности), 1984–2012 гг.

Примечание: числа, отложенные по оси ординат, означают, во сколько раз ВВП на душу населения был выше в развитых странах, чем в развивающихся, на соответствующий год. К примеру, значение 8, происходящее на 1999 г., означает, что в 1999 г. ВВП на душу населения был в развитых странах в 8 раз выше, чем в развивающихся. *Источник данных для расчетов:* World Bank 2016: NY.GDP.PCAP.PP.KD.

Уже в 1990-е гг. развивающимся странам удалось достичь очень заметного сокращения разрыва с развитыми странами по ВВП – с 9-кратного до 8-кратного. Но по-настоящему устойчивое и быстрое сокращение разрыва началось после 1999 г., и с 1999 по 2012 г. он стал с 8-кратного почти 5-кратным. Если бы сокращение данного разрыва происходило теми же темпами, то разрыв между развитыми и развивающимися странами был бы в основе своей ликвидирован уже через 20 лет. Однако столь быстрые темпы на столь длительный срок изначально вызывали сомнения, теперь же в связи с обозначившейся тенденцией к замедлению темпов роста Китая и других стран не-Запада, вплоть до рецессии и попадания стран – лидеров третьего мира в «ловушку среднеразвитости»²¹, очевидно, что для ликвидации разрыва потребуется более длительный период.

Анализ динамики разрыва после 1984 г. между первым и третьим миром с точки зрения ВВП на душу населения по базе данных А. Мэддисона дает результаты, очень близкие тем, что были получены нами выше по базе данных Всемирного банка. Однако только база данных Мэддисона дает возможность рассмотреть эту динамику в глубокой исторической перспективе. В двухтысячелетней перспективе это выглядит следующим образом (см. Рис. 15.14).

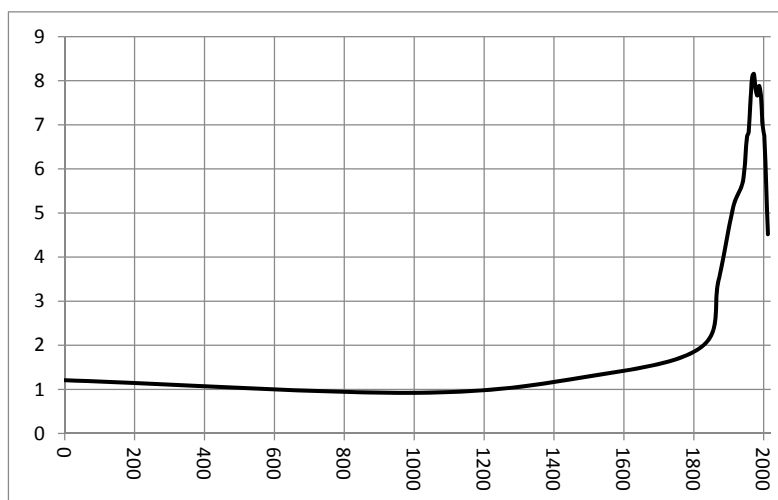

Рис. 15.14. Динамика разрыва (в разы) между Западом (*the West*) и третьим миром по ВВП на душу населения (исчисленного в международных долларах Гери – Хамиса 1990 г. по паритетам покупательной способности), 1–2008 гг.

Как мы видим, в начале XIX в. разрыв в уровне экономического развития между центром и периферией Мир-Системы был довольно незначительным. Существовал, однако, один показатель, который на начало XIX в. резко отличал страны мир-системного ядра от периферийных стран. Речь идет об уровне грамотности населения (см. Рис. 15.15).

²¹ *Middle income trap* – подробнее об этой ловушке см., например: World Bank... 2012: 12; Гринин, Коротаев, Цирель 2014.

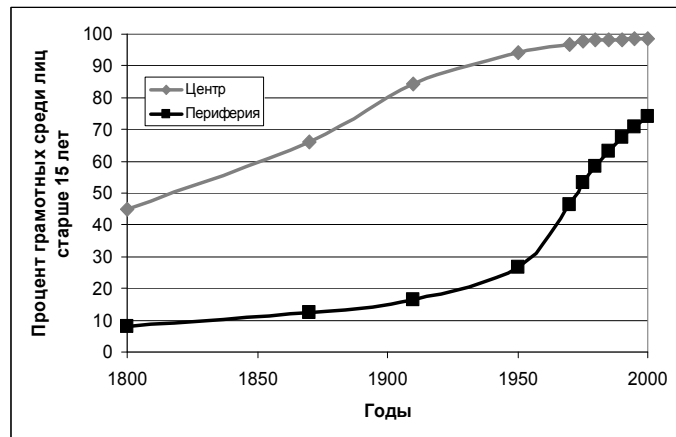

Рис. 15.15. Динамика грамотности населения центра и периферии Мир-Системы
 Источники данных: Мельянцеv 1996; Morrison, Murtin 2006: Table 4; UNESCO 2010.

Наиболее быстрый экономический рывок в эпоху модернизации сделали те страны, где уже была достаточно высокая грамотность населения. На наш взгляд, этот факт отнюдь не случаен и отражает то обстоятельство, что решающим фактором экономического развития в эпоху модернизации стало развитие именно человеческого капитала (см., например: Мельянцеv 1996; Добрынин и др. 1999; Denison 1962; Schultz 1963; Scholing, Timmermann 1988; Lucas 1988 и т. д.). Наше исследование (Коротаев и др. 2007: 95–100) показало существование сильной и безусловной значимой линейной корреляции между уровнем грамотности в 1800 г. и показателем ВВП на душу населения в наши дни (подробнее см.: Коротаев, Халтурина 2009). При этом полученное нами значение коэффициента R^2 указывает на то, что данная корреляция объясняет 86 % всей дисперсии данных. Таким образом, гипотеза о том, что распространение грамотности является одним из сильнейших факторов экономического роста, получила дополнительное подтверждение. Грамотное население, с одной стороны, имеет гораздо больше возможностей для восприятия и использования достижений модернизации, а с другой – оно более активно производит инновации, способствующие дальнейшему модернизационному развитию и экономическому росту.

Исследования выдающихся советских психологов А. Р. Лурии, Л. С. Выготского и Ф. Н. Шемакина на основе результатов экспедиций в Средней Азии в 1930-е гг. показали, что образование оказывает фундаментальное воздействие на формирование познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления). В ходе исследования выяснилось, что неграмотные респонденты в отличие от грамотных предпочитали конкретные цветовые обозначения абстрактным, а ситуативную группировку предметов – категориальной, на которой базируется абстрактное мышление. Кроме того, неграмотные респонденты не решали силлогистические задачи типа «Драгоценные металлы не ржавеют. Золото – драгоценный металл. Ржавеет золото или нет?». Эти силлогизмы казались респондентам бессмысленными, поскольку были вне сферы их практического опыта. Грамотные респонденты, получившие хотя бы минимальное формальное образование, легко решали предложенные силлогизмы (Лурия 1974; 1982: 47–69). Аналогичные результаты были получены и в других обществах с высокой долей неграмотного населения

(Ember 1977; Rogoff 1981). Таким образом, грамотный рабочий, предприниматель, изобретатель и т. д. оказывается эффективнее неграмотного благодаря не только способности прочитать инструкции, документацию или учебные пособия, но и более развитым навыкам абстрактного мышления (подробнее о грамотности как факторе экономического роста см.: Коротаев, Халтурина 2009).

Рассмотрим теперь динамику разрыва между первым и третьим миром в вековой и декадной перспективе (см. Рис. 15.16 и 15.17).

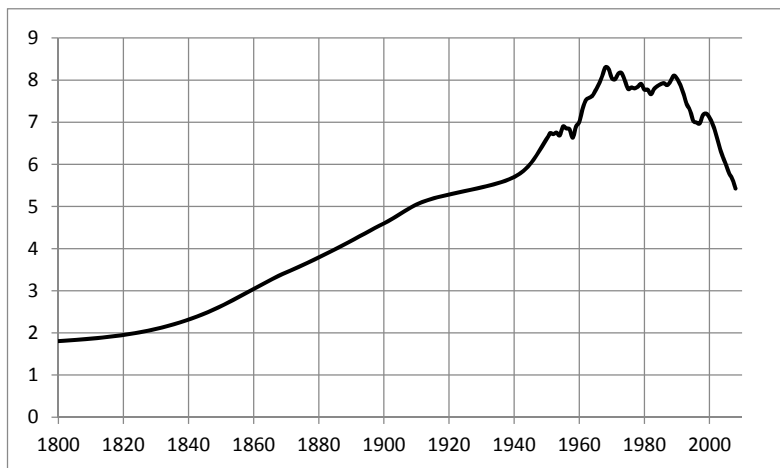

Рис. 15.16. Динамика разрыва (в разы) между Западом (*the West*) и третьим миром по ВВП на душу населения (исчисленного в международных долларах Гири – Хамиса 1990 г. по паритетах покупательной способности), 1800–2008 гг.

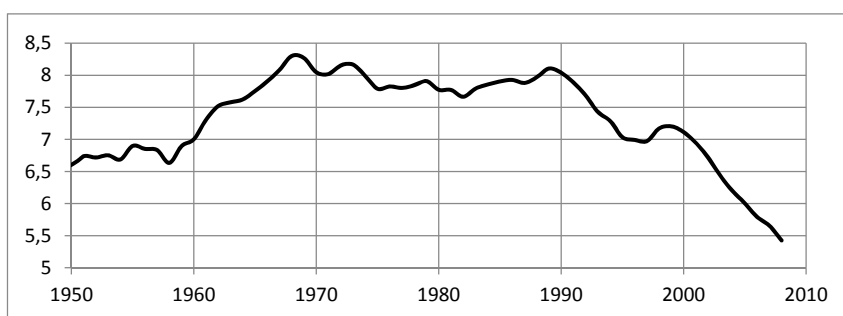

Рис. 15.17. Динамика разрыва (в разы) между Западом (*the West*) и третьим миром по ВВП на душу населения (исчисленного в международных долларах Гири – Хамиса 1990 г. по паритетах покупательной способности), 1950–2008 гг.

Как мы видим, разрыв между развитыми и развивающимися странами продолжал расти вплоть до конца 1960-х гг., в 1970-е – несколько сократился, но в 1980-е гг. снова немного вырос. Курьезным образом как раз в 1990-е гг. западные экономисты предприняли массированное исследование проблемы конвергенции (см., например: Barro 1991; Bianchi 1997; Canova, Marcet 1995; Desdoigts 1994; Durlauf, Johnson 1995; Lee *et al.* 1997; Mankiw *et al.* 1992; Paap, van Dijk 1994; Quah 1996a; 1996b;

1996с; 1997; Sachs *et al.* 1995; Sala-i-Martin 1996). Наиболее распространенным способом исследования этого вопроса было сопоставление уровня разрыва в 1950 или 1960 г., с одной стороны, и в последних точках данных (приходившихся, как правило, на конец 1980-х – начало 1990-х гг.)²² – с другой. Как легко понять из Рис. 15.17, подобный анализ систематически приводил западных экономистов к выводу о том, что ни о какой конвергенции между развитыми и развивающимися странами речи быть не может, а речь должна идти скорее о продолжающейся дивергенции (хотя и достаточно слабо выраженной). Отметим, что под это заключение к тому времени была подведена и неплохая теоретическая основа в виде теории возрастающей отдачи П. М. Ромера, из которой вполне логично вытекало, что развитые страны в тенденции должны расти быстрее развивающихся, а следовательно, разрыв между ними должен в тенденции скорее не сокращаться, а увеличиваться. Действительно, сам П. М. Ромер писал, что модель возрастающей отдачи предлагает «альтернативную точку зрения», противоположную основным допущениям теории конвергенции: «...производительность работников может расти неограниченно, и, возможно, со скоростью, монотонно увеличивающейся с течением времени. Относительные объемы инвестирования и коэффициент отдачи на капитал могут не уменьшаться, а увеличиваться с ростом объема накопленного капитала. Уровни душевого производства в разных странах совсем не обязательно должны конвергировать; темпы роста в менее развитых странах могут быть систематически более медленными, более того, там может не наблюдаться вообще никакого роста» (Romer 1986: 1003).

Вместе с тем, как показывает все тот же Рис. 15.17, парадоксальным образом, как раз в то самое время, когда западные экономисты пришли к почти единодушному выводу о том, что никакой конвергенции между развивающимися и развитыми странами не существует, эта самая конвергенция набирала все более мощные обороты²³!

Великая конвергенция и глобализация: как колонии стали драйверами мировой экономики

Как мы видели в предыдущих параграфах, с момента достижения апогея Великой дивергенции в 1850–1870 гг. прошло еще более ста лет, пока не обнаружилось явственно, что в мировой экономике и в целом в развитии наметилась новая тенденция – к конвергенции. Но ретроспективно можно увидеть начало этого процесса еще в XIX в., когда, казалось бы, господство Европы и Запада стало безраздельным. Главной причиной такого поворота стала, как ни странно, необходимость поддерживать экономическое развитие Запада и дивергенцию – рост экспорта капиталов и технологий в будущие развивающиеся страны, что, в свою очередь, привело к развитию национальных сил, заинтересованных в достижении политической и экономической независимости, а также слоя предпринимательства с новой деловой этикой²⁴. Рост экспорта капитала в конце XIX и начале

²² При этом чаще всего данное сравнение операционализировалось следующим образом: какова корреляция между уровнем ВВП на душу населения в странах мира в 1950/1960 гг. и темпами роста душевого ВВП в 1950/1960–1990 гг.? При этом значимая отрицательная корреляция вполне обоснованно интерпретировалась как свидетельство наличия глобальной конвергенции, значимая положительная – свидетельство наличия глобальной дивергенции, а незначимая – свидетельство отсутствия как глобальной дивергенции, так и глобальной конвергенции.

²³ На наш взгляд, это фиаско западной экономической науки было связано в очень высокой степени с тем обстоятельством, что западные экономисты пытались применять линейные в своей основе модели к анализу высоконелинейного процесса.

²⁴ Это стало ясно довольно рано (см., например: Маркс 1957: 226).

XX в. из Англии и Европы, кроме того, означал начало формирования современной Мир-Системы. Центр ее стал с конца XIX в. смещаться из Англии в США (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009; Grinin, Korotayev 2012), однако прежде чем это произошло окончательно, потребовались тяжелые кризисы первой половины XX в., которые одновременно способствовали обретению политической независимости колоний.

Западные технологии и возникновение предпосылок для поворота к конвергенции в конце XIX – начале XX в.

Рост экспорта капитала как начало поворота. С появлением парового транспорта и развитием электрических коммуникаций увеличились возможности быстрого перемещения капитала и товаров. Вместе с политикой свободной торговли это привело к быстрому росту внешней торговли и экспорта капиталов в мире. Последнее также серьезно затронуло и отстающие страны, хотя о равноправной торговле здесь речи не шло. В период с 1850 по 1870 г. рост мировой торговли составлял приблизительно 5 % в год (Held *et al.* 1999 см.: Хелд и др. 2004: 183–184), причем в целом ее рост в XIX в. превышал рост промышленности (см., например: Широков 1981: 39). Мощное железнодорожное строительство в США и ряде других стран (в том числе Аргентине, Индии, Австралии, России), бывшее локомотивом мирового развития на протяжении по крайней мере двух-трех последних десятилетий XIX в., вообще было бы немыслимо без иностранного капитала. В целом роль Англии как крупнейшего экспортера капитала (вторым была Франция) оказывалась весьма значительной. Именно экспорт капитала «остужал» подъемы экономики в Англии, начиная с последней четверти XIX в. За 20 лет (с 1862 по 1882 г.), по отдельным данным, экспорт капитала из Англии вырос в 6 раз (Гобсон 1927: 61). В большой мере экспорт капитала осуществлялся в виде иностранных займов. По некоторым данным, в иностранные правительственные ценные бумаги к 1881 г. английским капиталом была вложена огромная по тем временам сумма – 700 млн фунтов стерлингов (Он же 1928: 135–136; см. также: O'Rourke, Williamson 1999: 209 и т. д.). Но на каждую сотню миллионов английских капиталов за границей приходилось в 1870-х гг. уже 60–70 млн французских капиталов (Мендельсон 1959, т. 2: 14). В этот период (так же как и в последующие), помимо Англии и Франции, экспортером капиталов была также Германия, причем ее роль все возрастала (Гинцберг 1970: 433–434), а импортерами – США, Италия, Россия, Япония (см.: Мельянцев 1996: 114–115; см. также: Amsden 2004; Allen 2011).

В последующий же период экспорт капиталов в разных формах приобретал все больший размах и становился важнейшим локомотивом мирового развития, включая окраинные страны. Так, за 1880–1890 гг. Англия, Франция и Германия удвоили свои инвестиции за границей. За экономический цикл (1882–1893) было вывезено столько же капиталов, сколько и за всю предыдущую историю этих государств (см.: Мендельсон 1959, т. 2: 305; см. также: Ripru 1959). «Эта постоянная и все возрастающая эмиграция капитала из стран старой капиталистической культуры представляет собой фактор огромной важности в деле распространения капиталистической системы хозяйства по всему миру. Именно благодаря приливу капитала в молодые страны, капитал так быстро завоевывает в новейшее время одну страну за другой: эмигрируя за границу, капитал остается капиталом и всюду разносит новую систему хозяйства» (Туган-Барановский 2008 [1913]: 273). Этот процесс, уже очень заметный в конце XIX – начале XX в., еще более уси-

лился в первой половине XX в. Например, европейские, американские и японские капиталовложения в Юго-Восточную Азию перед Второй мировой войной составляли весьма крупную сумму в 3,2 млрд долларов (Васильев 1977: 175; Hall 1955; Холл 1958: 521; см. также: Amsden 2004: 108).

Железнодорожная сеть Азии и Африки увеличилась вдвое за 1890-е гг. (Мендельсон 1959, т. 2: 385). А к началу Первой мировой войны к югу от Сахары было проложено 35 тысяч км железных дорог (Allen 2009; Аллен 2013: 151). Начало XX в. ознаменовалось увеличением в два раза железнодорожного строительства вне западных стран (то есть в Латинской Америке, Африке, Азии, Канаде, Австралии и т. п.). Всего без США и Европы в мире за 7 лет с 1900 по 1907 г. было построено 72 тысяч км дорог (рассчитано по: Мендельсон 1959, т. 3: 33; см. также: Amsden 2004). Вообще длина железнодорожных путей в ряде стран будущего третьего мира к началу Первой мировой войны была весьма солидной. Так, в Индии она равнялась почти 56 тыс. км, что было больше, чем в Англии и Франции, и почти соответствовала длине германских железных дорог. В Бразилии, Мексике, Аргентине длина дорог составляла соответственно 24,9; 25,5; 33,2 тыс. км (Мельянцев 1996: 130)²⁵. По данным Ч. Иссави и А. Мэддисона, в 1870–1914 гг. общий объем иностранного капитала (в неизменных ценах), инвестированный в страны будущего третьего мира, вырос в 5,3–5,5 раз, причем основная часть этих средств была вложена в инфраструктуру и добывающую промышленность (Мельянцев 1996: 131; Issawi 1981; Maddison 1989a; см. также: Rippey 1959; Amsden 2004). Довольно активно развивались и другие коммуникации (речной и морской паромный транспорт, телеграф и т. п.), а также и шоссейные дороги, которых, например, к 1938 г. в Британской Бирме было построено 6 тысяч миль (Холл 1958: 507–508). Формировалась и финансовая система (банки и другие учреждения [об Индокитае, Яве см.: Там же: 509, 512]).

В результате инвестиций в инфраструктуру и включение хозяйства периферийных стран в мировую торговлю и отдельные отрасли производства (ткани, табачные изделия и пр. [Amsden 2004]) активно рос их экспорт, хотя периферия была в основном поставщиком сырья и некоторых сельскохозяйственных культур (см., например: Гуревич 1986), в меньшей степени поставщиком промышленных полезных ископаемых и топлива (таких как медь, свинец, олово, железная и некоторые другие руды и металлы, сера, селитра, нефть и т. п. [Холл 1958; Rippey 1959; Yergin 1991]). В 1870–1928 гг. в Индии, Китае и Бразилии экспорт в физическом выражении ежегодно увеличивался на 2–3 %, в Индонезии и Аргентине – даже на 4,5–5 %²⁶, а в Корее, которая в условиях активной ее эксплуатации Японией наращивала свою индустрию, были зарегистрированы и вовсе высокие темпы в 1900–1929 гг. – 10,5–11,5 %²⁷ (van der Wee, Blomme 1992; Amin 1970; Maddison 1989b; Morris, Adelman 1988; Perkins 1969; Amsden 2004). Правда, в годы Великой депрессии многие развивающиеся страны пострадали в связи с резким падением объемов торговли. При этом в 1870–1920-е гг. рос и индекс условий торговли периферийных государств, поставлявших сырье и сельскохозяйственные товары, особенно в годы Первой мировой войны (Asselain 1985: 272; Vairoch 1992: 410;

²⁵ Благодаря этому уже в последние десятилетия XIX в. уругвайская и аргентинские пшеница и мясо смогли достичь европейских рынков (последнее благодаря появлению рефрижераторов), а Чили стала активно экспортировать медь и гуано.

²⁶ В стоимостном выражении экспорт из Индонезии за 1850–1914 вырос в 13 раз (Гуревич 1986: 66).

²⁷ В годы Второй мировой войны промышленность Кореи давала до 1/3 всех необходимых Японии материалов и изделий (Пак 1986: 472).

Perkins 1975: 34; Goldsmith 1986: 54–55; Hansen, Lukas 1978: 431; Heston 1983: 903–904; Issawi 1982: 39; Leff 1982: 82; van der Meer 1989: 283). Потребность в сырье, особенно в некоторых его видах, таких как каучук или джут, была в западных странах высокой.

Как отмечается, появление новых технологий, капиталов и товаров, а также попытки модернизации в восточных странах привели к возникновению местной промышленности, буржуазии и пролетариата, то есть к очень важным социально-экономическим изменениям. Но, на наш взгляд, особенно важным было появление местной интеллигенции, овладевшей западной системой знаний и идей (см.: Косач 2005: 308–311), что привело к целому ряду значительных социальных движений начала XX в. в Турции, Иране, Китае, Индии, Филиппинах, Египте и т. д. Восток, оставаясь отсталым еще в очень значительной степени, тем не менее начал движение в общемировом направлении, все более включаясь в Мир-Систему. Важно также отметить, что именно в тех странах будущего третьего мира, в которых происходили те или иные модернизационные изменения (какими бы слабыми и часто даже противоречащими интересам этих стран они ни казались), быстрее всего проявились и успехи во второй половине XX в.

Политический кризис западных стран и политический подъем периферийных обществ. К началу XX в. возможности территориальной экспансии Запада оказались почти исчерпанными. В то же время в связи с бурным развитием экономик европейских стран усилились противоречия между ними. Результатом этого стало противостояние, вылившееся в две кровопролитные мировые войны, которые резко уменьшили значение Европы в мировой экономике и политике. Имели место, как уже сказано, также мощные социальные революции и движения, которые в итоге способствовали изменению социальной политики в западных странах. Вместе с сокращением роли Европы росло могущество США как главной страны западного мира, и в итоге после Второй мировой войны произошла политическая консолидация западных стран во главе с США в борьбе с коммунизмом. Конечно, в начале XX в. было крайне сложно поверить, что через 50 лет от громадных колониальных империй останутся жалкие обломки, так же как трудно было поверить в начале XIX в. в то, что через полвека мир свяжут железные дороги и телеграф. Полвека в мире с индустриальной экономикой и постоянными инновациями – очень большой срок.

Экспорт новейших технологий, активное развитие сельского хозяйства по производству так необходимого сырья, знакомство элиты колониальных стран с западным образованием, рост местного предпринимательства (см., например: Amsden 2004), ослабление западных стран в результате войн и кризисов – все это привело к усилению политического освободительного движения (см., например: Grenville 1994; Гренвилл 1999). Как уже было сказано, это создало новую ситуацию. С одной стороны, для сохранения политического господства западные правительства в межвоенный период стали делать существенно больше (одновременно и гуманитарная направленность их деятельности усилилась), а с другой – рост самосознания вызывал большую активность (о противоположном влиянии европейских стран, а также изменениях в управлении колониями и национальными элитами см.: von Albertini 1971; 1982). Кроме того, усилилось влияние других стран, пример которых будоражил умы, прежде всего СССР и Японии. Идея активной индустриализации с помощью государства, чтобы ликвидировать отсталость в кратчайшие сроки, проникала в умы политических деятелей (см., напри-

мер: Nehru 1949; Неру 1977). Жизнь показала позже, что только с помощью собственных сил и государства сделать это невозможно. (Однако и само собой, без больших усилий государства это также не происходит.) Таким образом, идея «самоусиления», появившаяся в наиболее развитых восточных странах сначала как желание создания сильной современной армии, стала активно проникать в умы политических элит (в том числе и Латинской Америки), но уже на более широкой базе, как концепция глубокой модернизации обществ. Правда, нельзя не отметить, что эта идея сталкивалась с идеологией особого пути развития отдельных стран и цивилизаций, с сохранением устаревших институтов. Например, М. Ганди (и далеко не он один), опираясь на свой идеал мелкого производства, был противником «машинной цивилизации», считал, что машины – это зло. Близких взглядов придерживался и иранский мыслитель А. Кесрави (см. подробнее: Дробышев 1986: 246–247). Но и подобные деятели вынуждены были признать необходимость индустриализации.

В двух мировых войнах многие периферийные страны участвовали как союзники своих метрополий (хотя в Индии политические силы во время Второй мировой войны стояли скорее на позиции отказа в помощи Англии, а некоторые политические деятели даже заигрывали с Германией и Японией [см., например: Кей 2011]). Однако если Первая мировая война почти не затронула колонии и полуколонии, то Вторая мировая, особенно японская оккупация, коснулась многих из них. Доминионы и колонии Англии оказались активно вовлеченными в борьбу. Все это вызвало активный подъем самосознания (см., например: Юрьев 1994: 3–12). И, как известно, ослабление Запада вызвало волну антиколониальной борьбы, которая привела к тому, что в течение двух десятилетий образовалось несколько десятков самостоятельных государств. Интеллигенция этих обществ была полна радужных надежд, что скоро их общества станут процветающими, но оказалось, что от политической свободы до экономического процветания огромная дистанция. Тем не менее мир резко изменился, его конфигурация стала совершенно иной. Он стал состоять из трех миров: развитого (первого), социалистического (второго) и развивающегося (третьего). Но отметим, что такое деление терминологически оформилось только в 1950-х гг.²⁸

Запад и Восток после Второй мировой войны: технология и политика

Научно-информационная революция. Новый подъем Запада. Пессимизм в отношении Востока. Несмотря на надежды пророков социализма, после Второй мировой войны западные страны не только не вступили в период перманентного кризиса, но, оправившись, продемонстрировали невиданные темпы роста. Это произошло благодаря, с одной стороны, глубоким изменениям в западных обществах, связанным с усилением роли государства в социальном и экономическом регулировании и устранением дискриминаций в отношении различных групп населения (Гринин 2009; 2010; Grinin 2012a), а с другой – благодаря начавшейся

²⁸ Отметим, что сам термин «третий мир» первоначально сложился как политический (военно-политический), подразумевая не присоединившиеся к военно-политическим блокам страны (притом что далеко не все развивающиеся страны были неприсоединившимися). Индия во главе с Дж. Неру и Египет во главе с Г. А. Насером играли важную роль в Движении неприсоединения. Только позже между терминами «третий мир» и «развивающиеся страны» поставили знак равенства. Следовательно, на первых порах третий мир решал политические проблемы, и сама конвергенция выступала как выбор пути модернизации (капиталистический или социалистический).

научно-кибернетической (информационной) революции, в использовании достижений которой эти общества лидировали. Неудивительно, что в этот период образовался особенно плотный кластер инноваций (см.: Гринин 2013; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015). Очень велика была доля новой продукции в центральных экономиках Мир-Системы. Так, по оценке фирмы «МакГро-Хилл» (*McGraw-Hill*), доля новой продукции, которая появилась на рынке после 1952 г., достигла в выпуске промышленности США в 1970 г. в секторе общего машиностроения 85 %, электротехнического – 97 %, автомобильной промышленности – 77 % (Клинов 2006: 87). А в целом доля продукции машиностроения и химической индустрии в обрабатывающей промышленности США к концу 1960-х гг. превысила 56 % (Он же 1992: 177, 179–180).

В 1950–1970-е гг. эта революция проявила себя в мощном развитии химии искусственных материалов, внедрении автоматизации в производство, развитии биотехнологий, которые позволили производить новые лекарства, пищевые и кормовые добавки, совершить многочисленные изменения в большинстве отраслей. Активно развивалась некомпьютерная электроника и средства связи (подробнее см.: Grinin 2012a; Grinin L. E., Grinin A. L. 2013; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015). Наконец, создание первых ЭВМ в 1940–1960-х гг. привело в последующие десятилетия к информационной революции, изменившей буквально все. Западная экономика становилась все больше экономикой услуг (Bell 1973; Hartwell 1976; Toffler 1980; см. также: Gibson 1993; Krahn *et al.* 2008). При этом западные общества достигли беспрецедентного роста уровня жизни. Общество всеобщего благосостояния стало реальностью.

В то же время и в третьем мире происходили огромные перемены. Помимо того, что в этих странах укреплялась самостоятельная государственность, главные изменения касались начавшегося в большинстве из них демографического перехода, связанного с внедрением в развивающиеся страны достижений современной медицины. Как известно, это привело к потрясающим темпам роста населения в них и в мире в целом (см. выше). Темпы естественного прироста в развивающихся странах выросли с 1,3 % в 1940-х гг. до 2,54 % в 1971 г., соответственно в абсолютных цифрах прирост их населения за 1940-е гг. составил 216 млн чел., а за 1970-е гг. – приблизительно 673 млн (рассчитано по: Maddison 2010; сходные оценки см., например: Широков 1981: 83; UN Population... 2015). Можно с достаточной уверенностью утверждать, что вряд ли на нашей планете повторятся такие темпы роста населения, которые наблюдались в 1960–1970-е гг. Таким образом, ведущий эволюционный тренд предшествующих тысячелетий, который выступал как главный показатель развития, достиг апогея и с 1970-х гг. начал постепенно снижаться. Именно этот момент можно считать и точкой перелома, после которой тренд Великой дивергенции стал сменяться трендом Великой конвергенции в мире. Почему? Во-первых, теперь незападный мир окончательно закрепил свое преимущество в трудовых ресурсах, которое спустя некоторое время стало все заметнее и будет все сильнее проявляться дальше, в то время как западный мир оказался на пике использования своих трудовых ресурсов (см. выше). Во-вторых, постепенное снижение рождаемости в развивающихся странах в 1990-х гг. означало, что в незападных странах уровень развития человеческого капитала существенно вырос и начинается переход к современной экономической модели.

Однако далеко не все из этих перемен были ясно заметны, другие представлялись в апокалиптическом свете. А в условиях быстрого развития западных стран догнать их казалось немислимым. Неудивительно, что в 1950–1970-х гг. среди

латиноамериканских и левой части экономистов западного мира была относительно популярна теория зависимого, или зависимо-ассоциированного развития (см., например: Prebisch 1950; 1959; Cardoso, Faletto 1979; Furtado 2003; 1999; см. также: Toye J., Toye R. 2003). Эту теорию особенно применяли в отношении латиноамериканских стран, испытавших несколько волн модернизации, но так и не догнавших развитые страны²⁹. Общая идея такого подхода заключалась в следующем: мировая экономическая система устроена так, что дает столь заметные преимущества развитым странам при торговле и других транзакциях с развивающимися (в частности, в неэквивалентном экспорте), что генерирует неравенство и вечную отсталость развивающихся стран³⁰.

Однако, вопреки прогнозам многих из вышеуказанных, как и других экспертов (см., например: Prebisch 1959; Bairoch 1964; Sunkel 1966; Wallerstein 1974; 1987; Amin 1976; 1994; 1997; Bornschier 1976; 1981; 1982; 1983; Bornschier, Chase-Dunn 1985; Frank 1979; MacPherson, Midgley 1987; Love 1980; *etc.*), которые в 1950–1980-е гг. писали о замкнутых и порочных кругах отсталости развивающихся стран, из которых почти невозможно вырваться, реальная ситуация во многих из них двумя-тремя десятилетиями позже оказалась достаточно оптимистичной (см., например: Мельянцев 1996).

Тем не менее в целом уже в 1950–1960-е гг. третий мир догнал первый по темпам роста ВВП, а далее успехи стран третьего мира возрастали. Так, произошел рост нормы капиталовложений с 6–8 % от ВВП в 1900–1938 гг. до 21–23 % от ВВП в 1950–1993 гг. (Мельянцев 1996: 220; об этих, а также и последующих периодах см. также: Он же 2000; 2009; 2013). Развивающиеся страны стали обгонять по темпам изменения индексов развития развитые (Там же). Одним словом, эти страны выходили на современные темпы роста и других показателей, но для сокращения разрыва им было необходимо сделать более мощный рывок. Отставание третьего мира от первого по темпам роста ВВП на душу населения в 1960–1970 гг. было связано прежде всего с тем обстоятельством, что подавляющее большинство развивающихся стран в это время еще не вступило во вторую фазу демографического перехода. При этом за фактом огромной отсталости стран третьего мира от западных ускользало важнейшее позитивное изменение: первые страны стали развиваться намного быстрее, чем раньше, и особенно это проявлялось в развитии человеческого капитала (как ни убога была действительность, но медицина, образование и культура в этих странах делали огромные шаги вперед). Фактически отставание развивающихся стран было очевидно только в сравнении с успехами развитых, но на самом деле во многих из них происходили глубокие перемены, причем и темпы роста экономики (в частности, заметно вырос экспорт), и темпы роста ИЧР у них давно превзошли доиндустриальные и стали современными.

В целом по третьему миру удельный вес населения, живущего за чертой бедности, понизился с 45–50 % в 1960 г. до 24–28 % в 1990 г. Уровень грамотности взрослого населения, составлявший в третьем мире в 1900 г. 14–15 %, возрос с 28 % в 1950 г. до 69 % в 1993 г., а среднее число лет обучения – с 1,6 до 5,8 года

²⁹ В современной экономической литературе это явление также было названо концом стандартной модели модернизации (см., например: Allen 2011; Аллен 2013).

³⁰ Эти идеи получили дальнейшее развитие в мир-системной теории (Frank 1979; Wallerstein 1987; Arrighi 1994). Теория зависимости как теория в целом уже потеряла свою значимость, но важные ее идеи используются в том или ином виде и современными исследователями (James 1997; Köhler, Tausch 2002; см. также: Бобровников 2004; 2011; Хорос, Красильщиков 2001).

(Vaïroch 1983; Мельянцев 1996). Высокими темпами (с 200 до 70 % в 1950–1993 гг.) сокращалась в развивающихся государствах и детская смертность. В целом общее улучшение экономических и санитарных условий в третьем мире способствовало росту средней продолжительности жизни, которая за 1950–1993 гг. выросла почти вдвое – с 35 до 64–66 лет (Мельянцев 1996: 199; World Bank 2014).

Но, разумеется, развитие третьего мира было крайне противоречивым, поскольку значительная отсталость сохранялась, а вопиющая бедность и нищета не исчезала, а местами даже увеличивалась, и крайне неравномерным, наряду с быстрым продвижением одних развивающихся стран по пути прогресса другие могли даже увеличивать свое отставание. Причем неравномерность существовала как между странами, так и внутри отдельных государств, где некоторые регионы уже становились похожими на районы развитых стран, а другие продолжали быть «заповедниками» отсталости.

Развивающиеся страны продемонстрировали и значительное многообразие путей и методов экономического развития (Грановский 1988: 314). Не все из них оказались удачными, однако тем самым накапливался необходимый опыт развития, подтягивались разные сектора экономики. Так, только до середины 1980-х гг. советские исследователи выделяли в развитии Индии следующие режимы экономического роста: 1) экономической стабилизации (до середины 1950-х гг.); 2) несбалансированной индустриализации (с середины 1950-х до середины 1960-х гг.); 3) подтягивания сельского хозяйства (с середины 1960-х до середины 1970-х гг.); 4) развития, ограниченного динамикой внутреннего рынка (с середины 1970-х гг.) (Он же 1986: 140). С начала 1990-х гг., как известно, начался новый, более либеральный (и значительно более эффективный) экономический режим³¹.

А. Е. Грановский (Там же: 134) выделил также три компонента экономической политики в развивающихся странах в 1960–1980-х гг.: декларативный, компенсаторный и структурно-преобразующий. Декларативный компонент был представлен плановыми задачами, не обеспеченными ресурсами и возможностями. Именно такого рода задачи нередко истощали силы слабой экономики и вели к кризисам. Компенсаторное воздействие проявилось особенно отчетливо в кредитовании (часто неэффективном) мелкого производства. Но в целом реформаторская и целенаправленная деятельность молодых государств вела к развитию.

Отметим также, что в 1960-х гг. в развивающихся странах наблюдался опережающий рост тяжелой промышленности. Среднегодовые темпы тяжелой промышленности составляли 8,4 %, а легкой – 4,8 % (UN Department... 1973: 17; Бабинцева 1982: 24). Эта тенденция, но уже с меньшим отрывом продолжалась и в 1970-е гг. Это было само по себе очень важно для становления национальных экономик, вопреки последующим экономическим идеям, что в принципе неважно, какой именно сектор экономики развивать, если он достаточно эффективен (см. критику этого подхода: Райнерт 2011 [Reinert 2007]). Однако поскольку очень многие из этих предприятий были государственными, они часто оказывались убыточными. Поэтому другим важнейшим и в определенной мере более эффективным каналом развития технологий стали ТНК.

В конце концов в 1970–1980-е гг. сформировались и наиболее эффективные экспортно ориентированные модели развития (см.: Amsden 2004; Бреннер 2014). Однако, повторим, эти видимые теперь ретроспективно перемены в 1970-е и даже

³¹ А предыдущий период, особенно 1980-е гг., привел к серьезному кризису, выход из которого был найден в результате реформ 1991 г., после чего темпы роста Индии ускорились.

1980-е гг. были достаточно глубоко скрыты, а на поверхности оказались рост бедности, безработицы и углубление отставания от западных стран (как кажущееся, так и реальное – прежде всего по ВВП на душу населения). Хуже всего, как уже сказано выше, что экономистам казалось, будто такое отставание невозможно преодолеть из-за порочности самой экономической системы мира. Но как часто бывает в эволюционных и экономических процессах, достижение какой-то тенденцией наиболее зримых черт означает, что она уже исчерпала себя, только поверхностному наблюдателю это незаметно. За всеми проблемами бедного Юга, за всем богатством и мощью Запада прослеживались признаки поворота к конвергенции. Сначала она проявилась явственно в успехах небольших «азиатских тигров» (Berger 1986; Бергер 1994), а затем и в продвижении более крупных стран. Вместе с процессом современной глобализации и общим ростом технологий происходит активное включение периферии в мировой технологический процесс. Возрастает стремление к привлечению капиталов и технологий, начинается интенсивная работа по созданию для этого условий. Близилась Великая конвергенция.

Начало поворота к конвергенции: причины и проявления

«Подъем остальных» (*rise of the Rest*) был одним из феноменальных изменений во второй половине XX в. (Amsden 2004: 2). Невозможно говорить о какой-то одной причине, которая стала определяющей в смене вектора развития с Великой дивергенции на Великую конвергенцию. Если же была бы поставлена задача все-таки указать только одну такую причину, то она, по нашему мнению, заключается в том, что процесс быстрого экономического сближения разных стран планеты для того, чтобы обеспечить дальнейшее инновационное развитие, требует рано или поздно выравнивания (хотя бы до определенного пункта) уровней развития разных регионов мира. Это можно назвать законом сообщающихся сосудов мировой экономики. До какого-то времени этот закон действовал не в полную силу, так как имелись социокультурные, технологические и политические препятствия для его реализации. Но практически неизбежно эти препятствия ослабевают, и тогда отстающие регионы начинают развиваться быстрее именно за счет более развитых стран. Подробнее об этом мы скажем ниже.

Тем не менее, как и в случае с догоняющей дивергенцией, гораздо правильнее говорить о комплексе таких причин. Ниже мы приводим перечень факторов и причин, приведших к тому, что темпы роста и развития стран третьего мира в итоге стали существенно выше, чем у первого. К сожалению, мы не можем подробно останавливаться на описании каждой из причин. Поэтому ограничимся кратким перечислением, а в рамках этого перечисления дадим для некоторых аспектов дополнительные комментарии.

Поскольку всякая иерархия причин была бы достаточно спорной, мы расположили их с учетом их хронологии, насколько это было возможно.

Основные причины

Политические и идеологические причины и факторы

✓ Изначально США (почти не имевшие, отметим, своих собственных колоний) были настроены гораздо более решительно, чем Великобритания и Франция, в плане того, что народы, лишённые независимости, должны обрести ее и что, даже оставаясь в статусе колонии, народы последних имеют право требовать, чтобы распределение богатств было более справедливым. Эта позиция способствовала борьбе за независимость. Так, например, Ф. Рузвельт резко критиковал

Англию за методы торговли с колониями, соответствовавшими уровню XVIII в., и считал, что необходимо перейти к методам XX в., которые означают развитие промышленности в колониях и рост благосостояния народа путем повышения его жизненного уровня, его просвещения, оздоровления, путем компенсации за его сырьевые ресурсы (Рузвельт 1947: 230–233). Впоследствии, конечно, США также не гнушались, если им было выгодно, использовать методы прошедших веков, однако кое-какие факторы (указанные ниже) препятствовали этому. Соединенные Штаты также оказывали разнообразную помощь отсталым странам, стремясь использовать ее в разных аспектах – от поддержки своего имиджа самой демократической страны до манипулирования голосованием в различных международных организациях. Конечно, нередко эта помощь использовалась для получения в итоге выгоды для тех или иных крупных корпораций или экономики США в целом, а также для экономического закабаления тех или иных развивающихся стран (см., например: Перкинс 2012). Но при всех издержках в третьем мире происходил экономический рост, и экономика этих государств обретала современные черты.

✓ *Рост (военно-)политической значимости развивающихся стран.* Она увеличилась уже во время Второй мировой войны, усилилась в результате борьбы капитализма и коммунизма, при формировании военных блоков, баз и т. п. Это так или иначе требовало от Запада (и от социалистического блока) технической, финансовой и иной помощи периферийным странам, подтягивания восточных стран к более высокому уровню. Идеино-политическая борьба коммунизма и капитализма способствовала тому, что западные страны вынуждены были усилить разнообразную помощь, особенно некоторым государствам, где противостояние было велико. Причем именно последние и совершили ранний прорыв (Тайвань, Гонконг, Южная Корея). Помощь предоставлялась и иным странам, которые оказывались по каким-то причинам важными для Запада, например для того, чтобы поддерживать равновесие на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, в бывших колониях и т. п. Также усилилось значение идейного фактора (ответственности Запада, его вины перед колониями), общей гуманитарной составляющей, которая создавала почву для мобилизации общества на помощь развивающимся странам.

✓ *Роль СССР и коммунистических стран.* Хотя в итоге социалистический путь и оказался тупиковым, но в результате сотрудничества второго и третьего мира происходила существенная промышленная модернизация, передача технологий, причем формировалась тяжелая промышленность – СССР и другие соцстраны оказывали помощь разным государствам, многие из которых не принимали социализм, но считали приемлемым государственный индустриализм (Индия, Египет и др.). Делался наиболее важный шаг в создании промышленности.

Аспекты международных и региональных организаций

✓ Роль развивающихся стран за счет их многочисленности была особенно наглядно видна в различных международных организациях. Соответственно помощь развивающимся странам усиливалась и через различные международные организации, фактически она была поставлена на научную основу, к ней были подключены ведущие специалисты. Словом, *Запад вынужден был подтягивать развивающиеся страны и одновременно осознавал необходимость*, чтобы разрыв не слишком увеличивался. Запад не был заинтересован в том, чтобы они догнали его, но он был заинтересован в том, чтобы они не отставали сильнее. Поэтому наиболее одиозные формы отсталости и социальных отношений: голод, межплеменная резня, затяжные гражданские войны, полное игнорирование действий по

модернизации (в сфере образования, медицинской помощи и т. п.) – рассматривались как крайне нежелательные или просто нетерпимые, оказывались в поле внимания и купировались.

✓ В рамках региональных организаций было легче освоить новый опыт, частично получить помощь, принять новую идеологию и определенные стандарты, а также договариваться с западными странами. Региональные международные организации развивающихся стран, хотя и не столь эффективные, как хотелось бы, тем не менее способствовали продвижению в решении тех или иных задач. То же касается и ассоциации развивающихся стран с западными (в рамках Британского Содружества, контактов с ЕС и т. п.).

✓ *Рост разнообразия (и соперничества) программ развития.* С обретением независимости множеством стран, в условиях борьбы капитализма и коммунизма, региональной борьбы (как на Ближнем Востоке) появилось и много разных вариантов модернизации. А большое разнообразие давало больше шансов на успех для тех или иных вариантов. История и модель успеха могли копироваться.

Экономические причины и факторы

✓ *Рост значения развивающихся стран как поставщиков промышленных полезных ископаемых и сельскохозяйственного сырья (леса, продуктов сельского хозяйства, руд и т. п.).*

Если в XIX в. из всех видов сырья особенно важным для европейской промышленности был хлопок, несколько позже незаменимым стал натуральный каучук, то затем сырьевым товаром номер один стала нефть. Если углем европейские страны были богаты, то запасы нефти в них оказались ограниченными. Причем зависимость от поставок нефти только росла. Борьба за нефть в рамках подъема национальных экономик началась уже в 1920-х и 1930-х гг., наиболее известным эпизодом в этом плане была Мексика, национализировавшая нефтяные компании. После Второй мировой войны акты национализации были важными событиями, которые, однако, постоянно перемежались со свержением правительств, стремящихся к национализации (наиболее ярким примером является история Ирана 1950-х гг.). При этом росло и значение, и самосознание стран, обладавших нефтью или другим стратегическим сырьем. Вторая мировая война показала, насколько важным является обладание нефтью. Поэтому уже в скором времени после войны Ближний Восток становится стратегически важным регионом. Саудовская Аравия стала ключевым фокусом для США и рассматривается как ценнейшее приобретение в области иностранных инвестиций. Неудивительно, что уже в 1950 г. президент Г. Трумэн написал письмо королю Саудовской Аравии, в котором заверял, что любая угроза королевству будет немедленно воспринята как требующая внимания и заботы США (Ергин 1999: 329). Таким образом, стратегическое партнерство Саудовской Аравии (и позже стран Залива) и США начало формироваться довольно давно. 1960 г. стал важной вехой в развитии нефтедобывающих стран, так как в Багдаде была образована Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Ее основателями стали Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия и Венесуэла. ОПЕК стала самой влиятельной наднациональной организацией развивающихся стран после революционного повышения цен на нефть в 1970-х и 1980-х гг., что ознаменовало начало перелома в отношениях между развитыми и развивающимися странами. В итоге именно в области поставок нефти впервые в истории развивающиеся страны одержали решительную победу над Западом и впервые экономические действия стран третьего мира вызвали мировой экономический кризис.

Рост нефтедобычи впоследствии стал для целого ряда стран дорогой к росту благосостояния, импорту капитала и даже конвергенции. И в целом нефть стала в 1970-е гг. своеобразным символом роста возможностей третьего мира в отношении Запада. Разумеется, нефтяные доходы довольно длительное время тратились не особенно рационально (и во многом такая ситуация сохраняется до сих пор), но в целом они стали важнейшим источником накопления развивающихся стран и возможностью проведения важных реформ в некоторых странах, направленных на подъем сельского хозяйства, рост образования, медицинской помощи и т. п.

✓ *Успехи в подъеме сельского хозяйства благодаря «зеленой революции» и помощи развитых стран.* Неспособность обеспечить быстрорастущее население продовольствием было одной из самых главных проблем развивающихся стран. В этом отношении было проведено много мероприятий (включая внедрение новой агрономии, техники, знаний и т. п.), некоторые из них (как уравнительное перераспределение земель или образование советского типа кооперативов) в ряде стран не привели к росту эффективности сельского хозяйства. Однако в целом развивающиеся страны существенно продвинулись в данном направлении. В числе наиболее успешных мероприятий можно отметить «зеленую революцию» – комплекс изменений в сельском хозяйстве развивающихся стран в 1940–1970-х гг., которые привели (и продолжают вести) к значительному увеличению мировой сельскохозяйственной продукции (Thirtle *et al.* 2003; Pingali 2012)³². Этот комплекс включал в себя использование достижений генетики, селекции и физиологии растений для активного выведения более продуктивных сортов растений, расширение ирригации, применения удобрений, пестицидов, современной техники. Другой компонент «зеленой революции» – давно знакомая азиатским странам ирригация, которой с началом «зеленой революции» в ряде стран стали уделять особое внимание. Понятно, что новые сорта зерновых культур могут реализовывать свои потенции только в условиях хорошего водообеспечения.

«Зеленая революция» касалась не только развивающихся стран, однако особое значение имела именно для них, особенно для Мексики, Кореи, Индии, Пакистана, Индонезии, Шри-Ланки и ряда других стран. Преимущественно это страны с очень большим или довольно большим населением, где пшеница и (или) рис служат основными продовольственными культурами. Быстрый рост их населения привел к еще большему увеличению нагрузки на пахотную землю, и без того уже сильно истощенную. При отсутствии свободных земель и реальном малоземелье, преобладании мелких и мельчайших крестьянских хозяйств с низкой агротехникой более 300 млн семей в этих странах в 60–70-е гг. XX в. находились в достаточно тяжелом положении, нередко на грани выживания, либо даже испытывали хронический голод (Стопа 2010). Вот почему «зеленая революция» была воспринята в них как реальная попытка найти выход их создавшегося критического положения. Удалось вывести сорта риса и других злаков, приспособленных к особенностям конкретных стран (Филиппин, Индии и т. д.), которые во много раз превосходили по урожайности прежние. Когда-то в Китае (начиная с периода династии Сун и особенно в период династии Цин) были выведены особо урожайные и скороспелые сорта риса, которые позволили довести население этой страны до невероятных (даже и по сегодняшним меркам) 400 млн человек (см., например:

³² Особые заслуги в выведении сортов принадлежат Н. Борлоугу, а термин введен бывшим директором АМР США У. Гаудом в 1968 г.

Но Ping-ti 1956; Perkins 1969: 38; Shiba 1970: 50; Bray 1984: 491–494, 598; Korotayev *et al.* 2006: 54–64). В период «зеленой революции» прогресс в аграрных технологиях шел во многих странах третьего мира и гораздо быстрее (кстати, «зеленая революция» не коснулась в этот период Китая, который реально страдал от нехватки продуктов в результате коммунистических экспериментов, достижения агротехники и селекции там были использованы на три десятилетия позже). Успехи были впечатляющие и даже поразительные. Так, всего за пять лет (с 1966 по 1971 г.) удалось увеличить на 60 % производство риса на Цейлоне, в Индии и на Филиппинах, производство пшеницы в Индии (почти в 2,5 раза), больше чем вдвое увеличилось производство кукурузы в Марокко (Стопа 2010). В целом в течение более 50 последних лет развивающийся мир стал свидетелем периода экстраординарного роста производительности продовольственных культур, несмотря на рост дефицита земель. Хотя население возросло более чем в два раза, производство зерновых культур увеличилось за тот же самый период в три раза, притом что площадь обрабатываемых земель за это же время выросла только на 30 % (FAO 2004; Wik *et al.* 2008; Pingali 2012). В меньшей степени на первых этапах был реализован третий компонент «зеленой революции», собственно индустриализация сельского хозяйства, то есть применение машин, удобрений, средств защиты растений, поскольку он требует гораздо больше времени. Но прогресс в этом отношении стал более заметен в 1980–1990-е гг. и продолжается по сей день. В целом за вторую половину XX в. производство сельскохозяйственной продукции в Азии увеличилось в 4,8 раза, а население выросло в 2,6 раза (Потапов и др. 2008: 41; см. также: Wik *et al.* 2008). Наиболее значительных успехов в развитии агросферы добивались на различных этапах Республика Корея, Таиланд, Тайвань, КНР (как было сказано, уже с 1980-х гг.). Объем сельскохозяйственного производства в Таиланде, в частности, вырос за полвека (1950–2000) почти в семь раз (Королев 2003: 590–592; см. также: Swaminathan 1993; Evenson, Gollin 2003; Thirtle *et al.* 2003; Renkow, Byerlee 2010; Ecker, Breisinger, Pauw 2011; Bideleux 2014).

Отметим, что начало «зеленой революции» было положено во время Второй мировой войны в соседней с США Мексике, в 1943 г. сельскохозяйственной программой мексиканского правительства и Фонда Рокфеллера. Крупнейших успехов по этой программе достиг Н. Борлоуг, выведший множество высокоэффективных сортов пшеницы, в том числе с коротким стеблем, устойчивой к полеганию. К 1951–1956 гг. Мексика полностью обеспечила себя зерном и начала его экспорт, за 15 лет урожайность зерновых в стране выросла в 3 раза. Разработки Борлоуга были использованы в селекционной работе в Колумбии, Индии, Пакистане, в 1970 г. Борлоуг получил Нобелевскую премию мира.

В 1963 г. на базе мексиканских исследовательских учреждений был создан Международный центр улучшения сортов пшеницы и кукурузы (СИММУТ), активно способствующий распространению «зеленой революции». Мексика стала родиной «зеленой революции» неслучайно и в неслучайное время, поскольку США реально были заинтересованы в улучшении продовольственного обеспечения данной страны (не стоит также забывать, что до 1946 г. Филиппины были подчинены США, поэтому Филиппины также неслучайно стали одной из успешных стран «зеленой революции»). Таким образом, и «зеленая революция» стала совместным детищем развитых и развивающихся стран. В то время в Европе и Америке часто говорили, что «зеленая революция» является детищем Форда

и Рокфеллера, которые финансируют исследования по усовершенствованию технологий выращивания, сортов, техники в международных исследовательских центрах в Мексике и на Филиппинах. Разумеется, здесь налицо усилия как развитых, так и развивающихся стран, как международных сельскохозяйственных исследовательских центров, так и национальных исследовательских программ (Evenson, Gollin 2003). Но это еще раз подчеркивает, что конвергенция – *это процесс, в который западные страны не просто вовлечены, но который идет едва ли не в большей степени благодаря именно их усилиям* (и деятельности их корпораций в еще большей степени).

✓ *Общая роль развивающихся стран в условиях уплотнения контактов и зависимости стран друг от друга.* Естественно, что увеличение эмиграции в западные страны требовало борьбы с эпидемиями в развивающихся странах, с поставками наркотиков, прочими негативными факторами. Исключительно важным стало осознание того, что бурный прирост населения в развивающихся странах требует взятия его под контроль, для чего стали разрабатываться разные программы и осуществляться реформы образования, просвещения, улучшения быта, медицины, развития сельского хозяйства и многое другое.

✓ *Начало сокращения численности трудоспособного населения в странах Запада* и фактическое расширение возможностей для мигрантов из развивающихся стран работать там (источник накопления и информации).

✓ *Роль ТНК.* Среди многих факторов, способствующих не только глобализации и интеграции мира, но и переносу технологий, развитию в странах третьего мира современных форм экономики, выполняющих роль агентов, включающих эти страны в международное разделение труда, требующих тех или иных реформ, развития инфраструктуры и т. п., особое место занимают ТНК. Транснациональные корпорации становятся теми каналами, через которые проходят новые линии связи стран, институтов, фирм и прочее, перетекают не только новые технологии, товары, но и услуги, взгляды и т. п. (Amsden 2004: 2). Особенно быстрый рост ТНК пришелся на 1950–1960-е гг., что совпало с периодом становления молодых государств и, естественно, вызвало множество конфликтов. В 1971 г. объем заграничного производства ТНК уже превзошел объем экспорта развитых стран. В итоге в 1970-х гг. темы, касающиеся ТНК, а также международного бизнеса и иностранных инвестиций в целом (Zamora 1977), в литературе стали очень популярными (см., например: Barnet, Muller 1974; Weinshall 1975; Gilpin 1975; Buckley, Casson 1976; Wallace 1976; Hood, Young 1979). Хотя большинство экономистов рассматривали результаты деятельности ТНК как положительные, тем не менее оценки их деятельности в СМИ и в разных странах были полярными. И это не удивительно. Подобно организациям прежнего времени, которые, имея перед собой конкретные цели (разного свойства, от чисто эгоистических до самых возвышенных) и добиваясь их, оказывались орудиями прогресса, ТНК, преследуя свои интересы, стали одной из важнейших сил изменения представлений о суверенитете, о роли национальных границ (см., например: Vernon 1971; Strange 2003; см. также: Grinin 2008; 2011; 2012b). Подобно прежним силам, они сразу несли и плохое, и хорошее, каковым и бывает прогресс, являющийся побочным результатом активного достижения целей могущественных сил³³. Эгоистические интересы

³³ Их роль, равно как и противоречивость результатов их деятельности, можно сравнить с Ост-Индскими компаниями в XVII–XVIII вв. в отношении установления контактов между Европой и Азией.

ТНК (вместе с эгоизмом правящих групп и элит соответствующих стран) нередко вели к многочисленным конфликтам, переворотам, кризисам, дефолтам во многих странах периферии (см. некоторые подробности подобных влияний: Перкинс 2012; см. также: Фергюсон 2014). Борьба национальных правительств и ТНК в ряде случаев носила очень острый характер (с одной стороны, акты национализации и экспроприации, с другой – подкуп, игнорирование национальных проблем вплоть до военных переворотов). С обеих сторон противоборство оправдывалось идеологически: правом государства или волей народа; приматом технического прогресса и святостью частной собственности. Р. Барнет и Р. Мюллер справедливо считали, что транснациональные корпорации порождены «планетарной трансформацией» и одновременно способствуют ее развитию. Однако, оправдывая деятельность ТНК, они требовали для них слишком многого, в частности получения права переступить через национальное государство и в ходе этого процесса трансформировать его (Barnet, Muller 1974: 18–19). Затем взаимоотношения государств и корпораций стали более совместимыми, ибо в отличие от многих других исторических агентов ТНК оказались достаточно гибкими и умерили свои амбиции так, что сегодня уже меньше опасения за суверенитет, хотя острые конфликты время от времени возникают, особенно в отношении финансовых корпораций. Одновременно усиливалась борьба за повышение социальной ответственности корпораций, что также способствовало большей притирке интересов общества и корпораций в разных странах³⁴. В свою очередь и страны научились лучше их контролировать. При этом если в 1950–1970-е гг. ТНК в основном создавали свои филиалы в развитых странах, то с 1980-х гг. все активнее – в развивающихся. В итоге значение этих корпораций для быстрого подъема развивающихся стран, особенно в эпоху деиндустриализации Запада, трудно переоценить.

Научно-технический прогресс и смену технологических укладов можно рассматривать как важную причину поворота к конвергенции, особенно с 1980-х гг., когда началась активная фаза так называемой деиндустриализации на Западе. Деиндустриализация может быть определена как падение доли промышленности в ВВП (и доли занятых в промышленности). Фактически деиндустриализация началась еще в середине 1960-х гг., сначала в США, но в Японии и Европе этот процесс шел с запозданием. Падение этой доли в США с 1965 по 1994 г. происходило с 28 % до 16 % соответственно, в развитых странах в целом с 1970 по 1994 г. – с 28 % до 18 % (Rowthorn, Ramaswamy 1997). Одновременно быстро росла доля занятых в сфере обслуживания. Однако эта фаза деиндустриализации в основном была связана не столько с переносом промышленных производств в менее развитые страны или преимущественным открытием там новых предприятий, хотя и это имело место (см., например: Amsden 2004), сколько с быстрым ростом других секторов экономики, в том числе информационных производств и услуг, а также доли малоквалифицированного труда и соответственно неравенства внутри развитых обществ. Вот почему многие экономисты ошибочно считали, что торговля «Север – Юг» имела мало влияния на деиндустриализацию (Lawrence, Slaughter 1993; Krugman, Lawrence 1994; Krugman 1996; Bhagwati 1995; Debande 2006)³⁵. В целом же быстрый рост сферы услуг, в том числе сложных

³⁴ Современные взгляды на различные аспекты деятельности и эффективности ТНК см., например: Baily, Solow 2001; Ghoshal, Westney 2005; Mtigwe 2006; Wild *et al.* 2008; Lewis 2004.

³⁵ Анализ волн в исследовании деиндустриализации, смены векторов интересов и оценок исследователями за последние сорок лет (см.: High 2013).

и квалифицированных (информационных, медицинских, финансовых и т. п.), вместе с расширением зоны свободной торговли и свободного перемещения капиталов (см. ниже) вкуче с жестким экологическим законодательством и ухудшением демографической ситуации в первом мире привели к тому, что промышленные производства стало выгоднее переносить в периферийные страны³⁶. Перенос производств в Восточную и Юго-Восточную Азию, Мексику, Турцию, Египет и многие другие развивающиеся страны был в значительной степени связан с процессом падения нормы прибыли в промышленности развитых стран, которую не смогли восстановить ни давление на профсоюзы, ни уменьшение регулирования движения капитала, ни другие факторы. Процесс падения прибыли и его последствия очень хорошо описаны в книге Р. Бреннера «Экономика глобальной турбулентности» (Бреннер 2014). В итоге началась активная фаза деиндустриализации, которая одновременно была и активной фазой индустриализации целого ряда развивающихся стран. Повторим, огромную, даже определяющую во многом роль здесь сыграли ТНК, которым было выгодно и в условиях свободной торговли даже крайне необходимо (чтобы выпускать конкурентоспособные продукты) заменить высокооплачиваемых рабочих собственных стран низкооплачиваемыми рабочими развивающихся стран. Отметим попутно, что это одновременно замедляло развитие робототехники, активно развивающейся в 1960–1980-х гг. И поскольку производительность труда в сфере обслуживания росла меньше, чем в промышленности (Rowthorn, Ramaswamy 1997), этот процесс вдвойне способствовал конвергенции. Во-первых, доля промышленности в ВВП развивающихся стран увеличивалась очень быстро, во-вторых, производительность труда в них росла заметно быстрее, чем в развитых.

Таким образом, научно-технический прогресс одновременно вызвал (в связи с ограниченными демографическими ресурсами) и сделал выгодным перенос индустриальных производств из первого мира в третий. В экономике почти любой страны одновременно сосуществуют все сектора, начиная с сельского хозяйства. Но если в отдельно взятом народном хозяйстве экс-лидирующий сектор экономики относительно редко становится ее лидером³⁷, то в рамках международного разделения труда ситуация существенно иная³⁸. Дело в том, что старые сектора, которые прежде были технологическими лидерами, уходя со своего места в центральных частях Мир-Системы, переходят в другие ее части не с приставкой «экс», а именно как лидирующие. Это происходит, во-первых, с помощью развития в прежде недостаточно развитых странах собственного производства этих экс-лидирующих секторов с использованием заимствованных (импортированных) технологий, а во-вторых, посредством фактического перемещения старых секторов в менее развитые страны (что и имело место, как мы говорили, в последние два-три десятилетия в процессе деиндустриализации Запада).

³⁶ Например, в связи с укреплением иены против доллара в результате договоренностей в Плазе в 1985 г. японский экспорт стал испытывать трудности. В результате японские корпорации переносили многие производства в новые индустриальные страны (Сингапур, Тайвань, Гонконг и Южную Корею), валюта которых была привязана к доллару, что позволяло им успешно наращивать экспорт (Бреннер 2014: 305).

³⁷ Так бывает, например, если страна специализируется на сельском хозяйстве, как происходило с Новой Зеландией, или на добывающей промышленности, как в нефтедобывающих странах.

³⁸ Проблемой лидирующего сектора в разных аспектах занимались С. Кузнец, У. Ростоу, Дж. ван Дейн, Я. ван Гольдерен, Дж. Модельски, У. Томпсон, Й. Ренстич и др. (Kuznets 1926; 1930; Rostow 1975; van Duijn 1983; Modelski 1987; Modelski, Thompson 1996; Thompson 1990; 2000; Rasler, Thompson 1994; см. также: Модельски, Томпсон 1992; Rennstich 2002).

Таким образом, структура международного разделения труда (которая является важнейшей осью Мир-Системы в целом) в известной мере отражает историческую эстафету лидирующих секторов и обеспечивает возможность для роста нового уклада в центре Мир-Системы. Но новая волна технологий нуждается не только в наличии кластера инноваций, но и в том, чтобы «освободить» место в странах-лидерах для переориентации рабочей силы. Ведь если капиталы и рабочая сила переориентируются, то, во-первых, старые *базисные* товары кто-то должен производить в достаточном количестве, во-вторых, у экономики, где формируется новый лидирующий сектор, должны быть в определенной мере «развязаны руки», то есть она должна освободиться от менее инновационных товаров. Иначе дефицит базисных товаров не даст сосредоточиться на инновационных. Ведь последние при всей их важности все больше удаляются от базисных нужд людей (одно дело продовольствие, одежда, даже металлы, другое – Интернет и особые услуги). Это «освобождение» и происходит за счет импорта товаров, которые становится невыгодно производить у себя. Не все здесь бывает логично, такая трансформация происходит весьма тяжело, но логика этого процесса обеспечивает рост экономики в Мир-Системе и возможность инновационного рывка в разных ее местах. Собственно, это способ вовлечения все новых экономик в зону действия нового принципа производства. Даже если многие общества в целом еще до него не доросли (как сегодня до уровня научно-информационного принципа производства по-настоящему недотягивает большинство стран мира), то своей верхушкой они в него уже втянулись (хотя бы в крупнейших городах уже есть анклавы передовой технологии). А главное, они становятся частью международной системы разделения труда, которая формируется под влиянием нового принципа производства. Следовательно, для адаптации новой волны инноваций должно быть обеспечено перемещение технологий и капитала в менее развитые части Мир-Системы, с тем чтобы компенсировать выбывшие из производства в центральных частях объемы и номенклатуру товаров.

Один из механизмов таких передвижений технологических укладов объясняет парадигма «летающих гусей», которая была разработана в конце 1930-х гг. японским ученым К. Акамацу (на английском языке эти работы появились в начале 1960-х гг. [Akamatsu 1961; 1962]). Согласно Акамацу, сначала происходит импортозамещение определенных товаров (например, текстильных) путем открытия национальных предприятий, а потом развитие этой отрасли создает возможности для выхода на зарубежные рынки. Однако в его теории роль иностранного капитала разрабатывалась слабо, так как Акамацу построил свою парадигму на основе наблюдения за текстильной промышленностью Японии (тогда еще развивающейся страны) и путем ее развития в течение 40–50 лет начиная с конца XIX в. Развитие Японии в 1950–1980-е гг., затем НИС (Кореи, Тайваня и др.), а позднее также Китая, Таиланда, Малайзии и др., в которых роль иностранного капитала и экспортного сектора стала уже принципиально иной, позволила расширить и модернизировать парадигму Акамацу ряду японских ученых и исследователей из других стран. Они включили в анализ факторы ПИИ и ТНК, показав, как технологические и финансовые трансферты усиливают экономический прогресс в развивающихся странах (Shinohara 1982; Kojima 2000; Ozawa 1992; 2001; 2005; 2009; см. также: Ginzburg, Simonazzi 2005; Ito 2001; Korhonen 1998; Kwan 1994; Yamazawa 1990; см. также: Grinin, Korotayev, Tausch 2016: 111–142).

Возникновение саморазвивающейся системы мотивации к модернизации внутри стран

✓ *Общая идея модернизации, разработка форм и методов ее осуществления способствовали тому, что во многих развивающихся странах идея реформирования и модернизации стала крайне важной, политически значимой и, следовательно, те или иные правительства пытались в том или ином виде с этим работать. Особенно важно появление по-западному образованной интеллигенции (в частности, через обучение студентов на Западе и в СССР), которая могла быть проводником этих идей. В итоге произошло превращение идеи модернизации в важнейшее политическое оружие в политической борьбе внутри стран.*

Итоги изменений. *Если суммировать вышеприведенные пункты, можно сказать, что подготовили почву для перелома тенденции на конвергенцию следующие моменты: резко возросшая необходимость Запада и СССР по разным причинам быть в союзе с развивающимися странами; необходимость взять под контроль ряд негативных процессов в развивающихся странах и разработка соответствующих стратегий, научных идей, программ и т. п.; изменение структуры экономики в западных странах, что потребовало переноса индустриальных производств в развивающиеся страны; пробуждение интеллигенции и стремления к модернизации; роль развивающихся стран в поставках сырья, особенно нефти, и как источника дешевой и минимально квалифицированной рабочей силы.*

В конце концов, во многом благодаря глобализации большинству развивающихся стран к началу 1990-х гг. удалось сократить разрыв с развитыми странами по уровню развития человеческого капитала до уровня, обеспечившего реальную возможность переноса очень большого числа производств из центра на периферию Мир-Системы, резко усилив поток технологий и капитала из развитых стран в развивающиеся, что и запустило процесс Великой конвергенции. В этом плане можно сказать, что Великая конвергенция была запущена новой волной глобализации, начавшейся в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Отметим, что замедление темпов экономического роста в центре и ускорение темпов этого роста на периферии сопровождалось (и было в очень высокой степени обусловлено) следующими важными процессами-тенденциями: 1) уменьшением доли инвестиций в ВВП стран центра (с начала 1970-х гг.); 2) увеличением доли инвестиций в ВВП периферии (с начала 1990-х гг.)³⁹; 3) уменьшением макроэкономической эффективности инвестиций (измеряемой в том, сколько долларов прироста ВВП приходится на доллар инвестиций) экономик центра (с конца 1960-х гг.); 4) увеличением макроэкономической эффективности инвестиций на мир-системной периферии (с начала 1990-х гг.) (см. Рис. 15.18–15.20).

³⁹ О факторах высокого уровня инвестиционной активности в экономически среднеразвитых странах (к которым в настоящее время относится большинство стран мир-системной периферии, где в настоящее время проживает подавляющее большинство периферийного населения и где сейчас производится подавляющая часть периферийного ВВП) подробнее см.: Коротаев, Хаматшин и др. 2010; 2011.

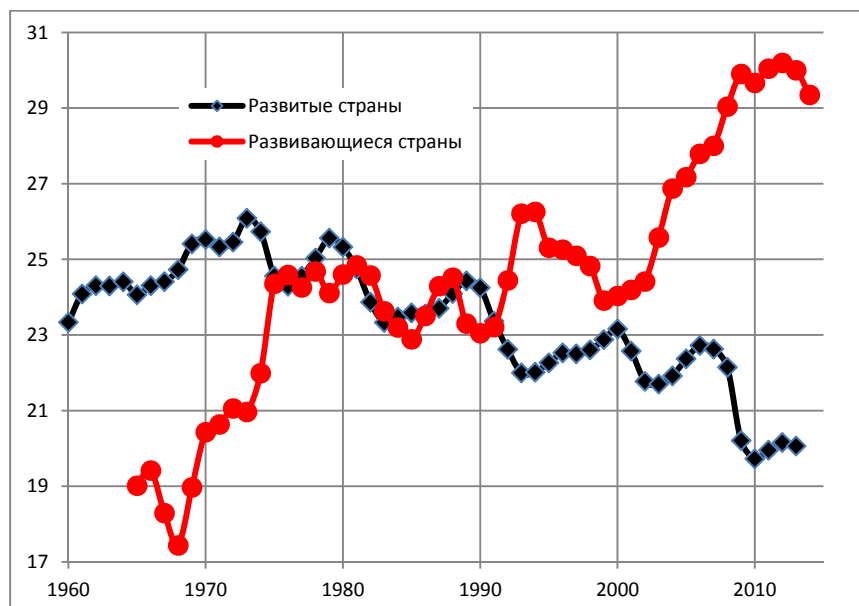

Рис. 15.18. Динамика доли инвестиций в ВВП развитых и развивающихся стран, 1960–2014 гг.

Источник данных: World Bank 2016.

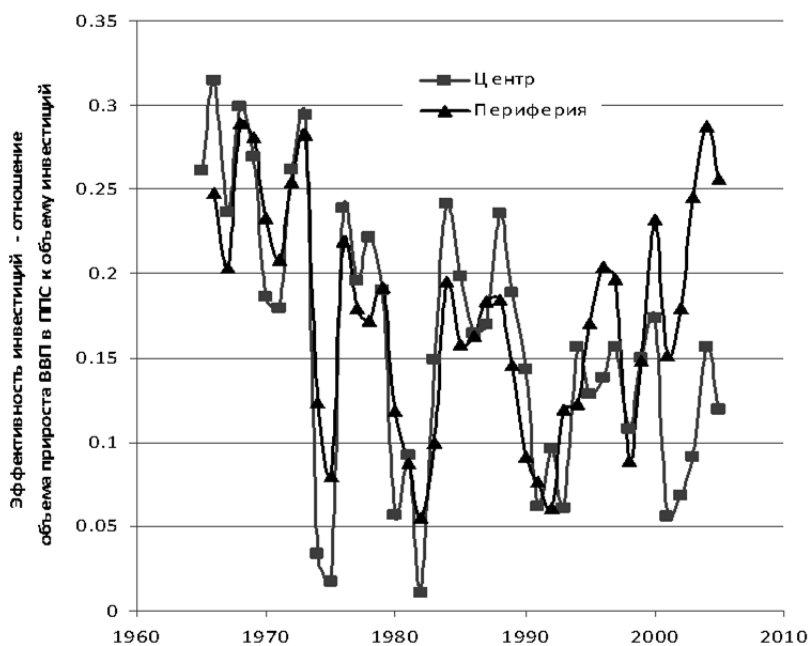

Рис. 15.19. Динамика эффективности инвестиций в центре и на периферии Мир-Системы, 1965–2016 гг.

Источник данных: World Bank 2016.

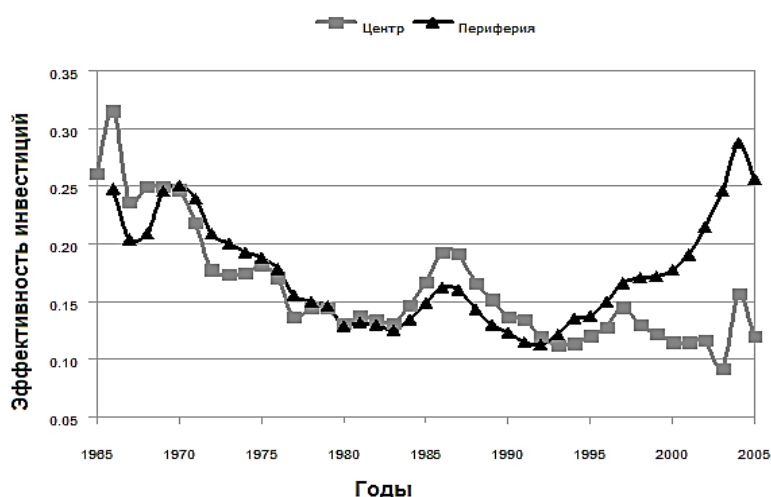

Рис. 15.20. Динамика эффективности инвестиций в центре и на периферии Мир-Системы: семилетние сглаженные средние, 1965–2005 гг.

Источник данных: World Bank 2016.

Примечание: семилетние сглаженные средние с последовательным уменьшением окна сглаживания по краям.

Как уже упоминалось выше, мы считаем, что особое значение имел тот факт, что между 1950-ми и 1990-ми гг. наблюдается радикальное снижение разрыва между первым и третьим миром по уровню развития человеческого капитала (см. Рис. 15.21 и 15.22).

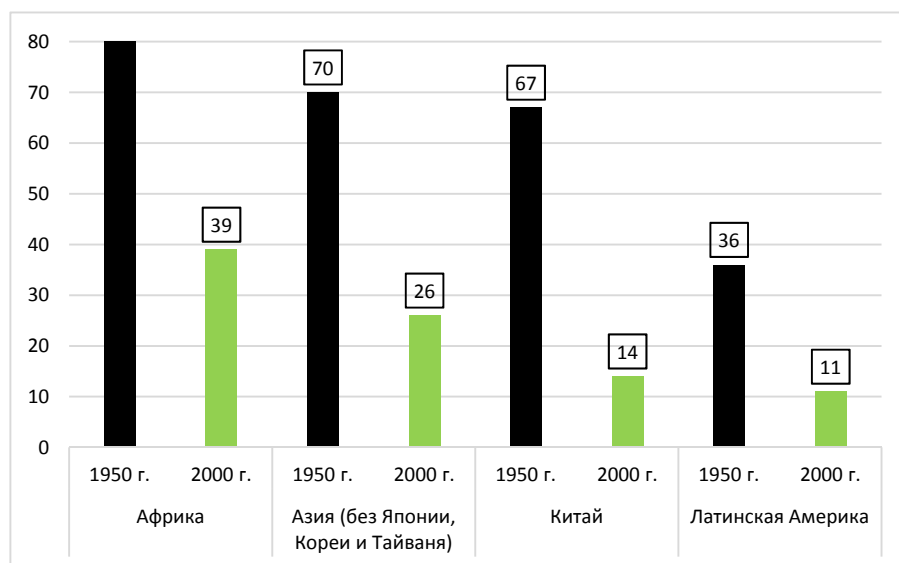

Рис. 15.21. Уменьшение разрыва между Западной Европой и основными макрорегионами/странами третьего мира по уровню грамотности, процентные пункты, 1950–2000 гг.

Источник данных: Morrison, Murtin 2006.

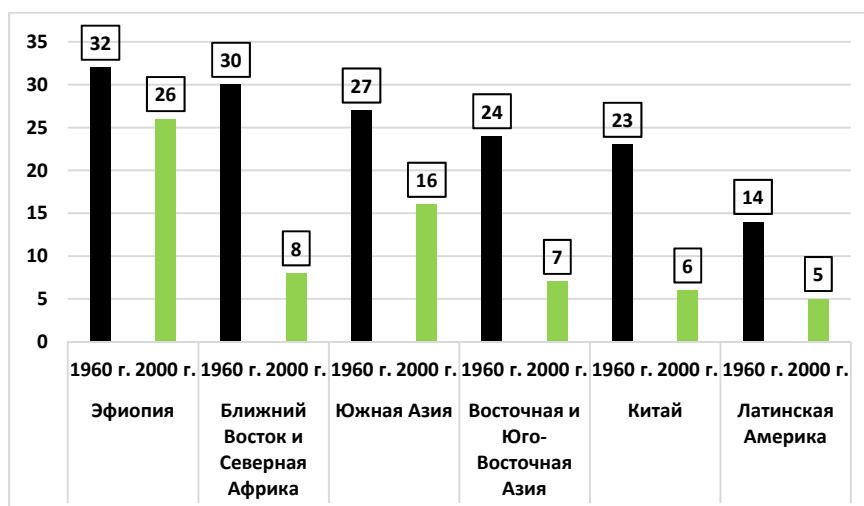

Рис. 15.22. Уменьшение разрыва между США и основными макрорегионами/странами третьего мира по продолжительности жизни, лет, 1960–2000 гг.

Источник данных: World Bank 2016.

Таким образом, Великая конвергенция – это объективный результат развития мировой экономики в целом, итог развития экономики и политики как развитых, так и развивающихся стран (причем вольный или невольный вклад в этот итог развитых стран выглядит даже более высоким, чем самих развивающихся), это способ поддержания благополучия западных стран в условиях охватившего их демографического кризиса, возможность создания более широкого основания для дальнейшего инновационного развития мира.

Библиография

- Абель Э., Бернанке Б. 2008. *Макроэкономика*. 5-е изд. СПб.: Питер.
- Алаев Л. Б. 2004. *История традиционного Востока с древнейших времен до начала XX века*. М.: МГИМО.
- Алаев Л. Б. 2007. *История Востока. Первобытная эпоха. Древность. Средние века. Новое время*. М.: РОСМЭН.
- Аллен Р. 2013. *Глобальная экономическая история: Краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Аллен Р. 2014. *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Бабинцева Н. С. 1982. *Индустриализация в развивающихся странах*. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та.
- Бергер П. 1994. *Капиталистическая революция*. М.: Прогресс.
- Бернал Дж. 1956. *Наука в истории общества*. М.: Ин. лит-ра.
- Блауг М. 2008. *100 великих экономистов после Кейнса*. СПб.: Экономическая школа.
- Бобровников А. В. 2004. *Макроциклы в экономике стран Латинской Америки*. М.: Ин-т Латинской Америки РАН.

- Бобровников А. В. 2011.** Руководство Аргентины стремится вывести страну на новую траекторию развития. *Латинская Америка* 3: 98–103.
- Бреннер Р. 2014.** *Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Ванина Е. Ю. 1991.** *Средневековое городское ремесло Индии XIII–XVIII вв.* М.: Наука.
- Васильев А. М. 1977.** *Трудный перевал*. М.: Наука.
- Васильев Л. С. 1982.** Феномен власти-собственности. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века* / Ред. Л. Б. Алаев, с. 60–99. М.: Наука.
- Васильев Л. С. 1988.** Что такое «азиатский» способ производства? *Народы Азии и Африки* 3: 65–75.
- Васильев Л. С. 1993.** *История Востока*: в 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа.
- Вишневский А. Г. 1976.** *Демографическая революция*. М.: Статистика.
- Вишневский А. Г. 2005.** *Избранные демографические труды*. Т. 1. *Демографическая теория и демографическая история*. М.: Наука.
- Гинцберг Л. И. 1970.** От союза трех императоров к «мировой политике». *Германская история в новое и новейшее время* / Ред. С. Д. Сказкин, Л. И. Гинцберг, Г. Н. Горшков, В. Д. Ежов. Т. 1, с. 302–436. М.: Наука.
- Гобсон Дж. 1927.** *Империализм*. Л.: Прибой.
- Гобсон Ч. К. 1928.** *Экспорт капитала*. М.: Коммунистическая Академия.
- Грановский А. Е. 1986.** Взаимодействие экономических и социально-политических факторов в процессе экономического роста в Индии. *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Отв. ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный, с. 111–148. М.: Наука.
- Грановский А. Е. 1988.** *Экономический рост в странах Южной Азии*. М.: Наука.
- Гренвилл Дж. 1999.** *История XX века. Люди, события, факты*. М.: Аквариум.
- Гринин Л. Е. 2009.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2013.** Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций. *Кондратьевские волны: Палитра взглядов: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 31–83. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2014.** Шестая кондратьевская волна и кибернетическая революция. *IX Международная Кондратьевская конференция «Новая модель экономического роста: теоретические конструкции и реальная политика». Доклады и тезисы участников конференции* [Электронное издание] / Ред. В. М. Бондаренко. М.: МОСИПНН Н. Д. Кондратьева.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015.** *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2016.** Грядущая кибернетическая революция и технологические трансформации. *Credo New* 2(86). URL: <http://credo-new.ru/archives/795>.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2007.** Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. *История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 49–101. М.: КомКнига.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2014.** Остановится ли китайский взлет? *Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС. Предварительные результаты* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 277–336. М.: Красанд/URSS.
- Гуревич Н. М. 1986.** Заметки об экспортной специализации сельского хозяйства колониальных и зависимых стран Азии в XIX – первой половине XX в. *Зарубежный Восток: вопросы экономической истории* / Отв. ред. А. М. Петров, с. 32–71. М.: Наука.
- Добрынин А. И., Дятлов С. А., Курганский С. А. 1999.** *Человеческий капитал. Методические аспекты анализа.* СПб.: СПбГУЭФ.
- Дробышев М. А. 1986.** Научно-технический прогресс и культуры современного Востока: проблема совместимости. *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Отв. ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный, с. 244–269. М.: Наука.
- Ергин Д. 1999.** *Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть.* М.: ДеНово.
- Кардини Ф. 1987.** *Истоки средневекового рыцарства.* М.: Прогресс.
- Кей Д. 2011.** *История Индии.* М.: АСТ: Астрель.
- Клинов В. Г. 1992.** *Большие циклы конъюнктуры мирового хозяйства. Проблемы анализа и прогнозирования.* М.: ВНИИПИ.
- Клинов В. Г. 2006.** *Мировой рынок высокотехнологичной продукции. Тенденции развития и особенности формирования конъюнктуры и цен.* М.: Экономика.
- Королев И. С. (Ред.). 2003.** *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет.* М.: Экономистъ.
- Коротаев А. В. 1991.** Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров. Т. 1, с. 136–191. М.: Институт истории СССР АН СССР.
- Коротаев А. В. 2012.** Новые записки с Тахрира. *Полит.ру* 29 декабря. URL: <http://polit.ru/article/2012/12/29/tahrir/>.
- Коротаев А. В. 2013.** Структура современной глобальной конвергенции: количественный анализ. *Эконометрические методы в исследовании глобальных процессов*, с. 101–111. М.: Анкил.
- Коротаев А. В. 2014.** Великая дивергенция, Великая конвергенция и глобальный демографический переход. *Мировая экономика ближайшего будущего: откуда ждать инновационного рывка?* / Ред. В. М. Бондаренко, с. 39–51. М.; Волгоград: Международный фонд Н. Д. Кондратьева, Учитель.
- Коротаев А. В. 2015а.** Глобальный демографический переход и фазы дивергенции – конвергенции центра и периферии Мир-Системы. *Вестник Института экономики Российской академии наук* 1: 149–162.
- Коротаев А. В. 2015б.** Математическое моделирование процессов Великой дивергенции и Великой конвергенции. *Социофизика и социоинженерия* / Ред. Ю. Л. Словохотов, с. 16–17. М.: МГУ.
- Коротаев А. В., Андреев А. И., Зинькина Ю. В., Фоломеева Д. А. 2014.** О структуре глобальной конвергенции. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика* 3–4: 74–82.

- Коротаев А. В., Билюга С. Э. 2016.** Промежуточные типы социально-политических режимов и социально-политическая нестабильность: опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* 3: 31–51.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2007.** Урбанизация и политическое развитие Мир-Системы: сравнительный количественный анализ. *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 102–141. М.: КомКнига.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е. 2012.** Кондратьевские волны в мир-системной перспективе. *Кондратьевские волны: аспекты и перспективы: ежегодник* / Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков, с. 58–109. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А. 2009.** *Современные тенденции мирового развития.* М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010.** *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития.* 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.
- Коротаев А. В., Хаматшин А. В., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Малков А. С. 2010.** Факторы инвестиционной активности. *Системный мониторинг глобального и регионального развития* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев, с. 260–292. М.: URSS.
- Коротаев А. В., Хаматшин А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Москалев И. Е., Малков А. С. 2011.** Факторы инвестиционной активности в России и мире. *Сценарий и перспектива развития России* / Под ред. В. А. Садовниченко, А. А. Акаева, А. В. Коротаева, Г. Г. Малинецкого, с. 90–125. М.: Ленанд/URSS.
- Косач Г. Г. 2005.** Становление современных форм политической жизни на Востоке. *История Востока. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.).* Кн. 2 / Отв. ред. Л. Б. Алаев и др., с. 307–321. М.: Вост. лит-ра.
- Лурия А. Р. 1974.** *Об историческом развитии познавательных процессов.* М.: Изд-во МГУ.
- Лурия А. Р. 1982.** *Этапы пройденного пути. Научная автобиография.* М.: Изд-во МГУ.
- Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Халтурина Д. А., Коротаев А. В. 2010.** К системному анализу мировой динамики: взаимодействие центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 234–248. М.: ЛКИ/URSS.
- Малков А. С., Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В. 2010.** Математическое моделирование взаимодействия центра и периферии Мир-Системы. *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, с. 277–286. М.: Изд-во ЛКИ/URSS.
- Манту П. 1937.** *Промышленная революция XVIII столетия в Англии.* М.: Соцэкгиз.
- Маркс К. 1957.** Будущие результаты британского владычества в Индии. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 9, с. 224–230. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Мельянцева В. А. 1996.** *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность.* М.: МГУ.

- Мельянцев В. А. 2000.** *Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах.* М.: Ин-т стран Азии и Африки.
- Мельянцев В. А. 2009.** *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. Сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000 гг.* М.: Ключ-С.
- Мельянцев В. А. 2013.** *Анализ важнейших трендов глобального экономического роста.* М.: Ключ-С.
- Мельянцев В. А. 2015.** *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран.* М.: Ключ-С.
- Мендельсон Л. А. 1959.** *Теория и история экономических кризисов и циклов.* Т. 1–2. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры.
- Модельски Дж., Томпсон У. 1992.** Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика. *Вопросы экономики* 10: 49–57.
- Мэнкью Н. Г. 2009.** *Принципы макроэкономики.* 4-е изд. СПб.: Питер.
- Неру Дж. 1977.** *Взгляд на всемирную историю.* Т. 3. М.: Прогресс.
- Пак М. Н. 1986.** *История народов Восточной и Центральной Азии.* М.: Наука.
- Перкинс Дж. 2012.** Исповедь экономического убийцы = Confessions of an Economic Hit Man. М.: Претекст.
- Потапов Н. А., Салицкий А. И., Шахматов А. В. 2008.** *Экономика современной Азии.* М.: Международные отношения.
- Райнерт Э. С. 2011.** *Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными.* М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики.
- Рейснер Л. И. 1986.** Генезис системы «наука – техника – производство» в западноевропейском регионе в XVI–XVIII вв. и оценка перспектив этого процесса в восточных обществах эпохи НТР. *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока* / Отв. ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный, с. 111–148. М.: Наука.
- Рузвельт Э. 1947.** *Его глазами.* М.: Ин. лит-ра.
- Салинз М. Д. 1999.** *Экономика каменного века* / пер. с англ. М.: ОГИ.
- Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. 2009.** *Макроэкономика.* 18-е изд. М.: Вильямс.
- Стопа Л. 2010.** «Зеленая революция» – страница, которую нам не открывали. *Зерно* 5: 14–21. URL: <http://www.zerno-ua.com/?p=9738>.
- Туган-Барановский М. И. 2008 [1913].** *Периодические промышленные кризисы.* М.: Директмедиа Паблишинг.
- Фергюсон Н. 2014.** *Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира.* М.: АСТ: CORPUS, 2014.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. 2004.** *Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура.* М.: Праксис.
- Холл Д. Дж. Е. 1958.** *История Юго-Восточной Азии.* М.: Изд-во ин. лит-ры.
- Хорос В. Г., Красильщиков В. А. (Ред.). 2001.** *Постиндустриальный мир и Россия.* М.: Эдиториал УРСС.
- Чичеров А. И. 1965.** *Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесло и торговля в XVI–XVIII вв.).* М.: Наука.
- Широков Г. К. 1981.** *Промышленная революция в странах Востока.* М.: Наука.
- Юрьев М. Ф. 1994.** *История стран Азии и Северной Африки после Второй мировой войны (1945–1990).* М.: Изд-во МГУ.

- Akamatsu K. 1961.** A Theory of Unbalanced Growth in the World Economy. *Weltwirtschaftliches Archiv – Review of World Economics* 86(2): 196–217.
- Akamatsu K. 1962.** A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. *Journal of Developing Economies* 1(1): 3–25.
- Albertini R. von. 1971.** *Decolonization: The Administration and Future of the Colonies, 1919–1960*. Garden City, NY: Doubleday.
- Albertini R. von. (Ed.). 1982.** *European Colonial Rule, 1880–1940: The Impact of the West on India, Southeast Asia, and Africa*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Allen R. C. 2009.** *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Allen R. C. 2011.** *Global Economic History: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Amin S. 1970.** *Le Maghreb Modern*. Paris: Editions de Minuit.
- Amin S. 1976.** *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*. New York, NY: Monthly Review Press.
- Amin S. 1994.** *Re-reading the Postwar Period: An Intellectual Itinerary* / Transl. by M. Wolfers. New York, NY: Monthly Review Press.
- Amin S. 1997.** *Capitalism in an Age of Globalization*. London: Zed Books.
- Amin S. 2010.** *Global History – a View from the South*. Oxford: Pambazuka.
- Amsden A. H. 2004.** *The Rise of 'the Rest'. Challenges to the West from Late-industrializing Economies*. New York, NY: Oxford University Press.
- Armengaud A. 1976.** Population in Europe 1700–1914. *The Industrial Revolution, 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 22–76. London: Harvester.
- Arrighi G. 1994.** *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times*. London: Verso.
- Asselain J. Cl. 1985.** *Histoire économique. De la révolution industrielle à la première guerre mondiale*. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques et Dalloz.
- Baily M. N., Solow R. M. 2001.** International Productivity Comparisons Built from the Firm Level. *Journal of Economic Perspectives* 15(3): 151–172.
- Bairoch P. 1964.** *Révolution industrielle et sous-développement*. Paris: Société d'Édition d'Enseignement Supérieur.
- Bairoch P. 1983.** *Le Tiers-Monde dans l'impasse*. Edition II. Paris: Gallimard.
- Bairoch P. 1992.** *Le Tiers-Monde dans l'impasse*. Edition III. Paris: Gallimard.
- Barnet R. J., Muller R. E. 1974.** *Global Reach: The Power of the Multinational Corporations*. New York, NY: Simon and Schuster.
- Barro R. J. 1991.** Economic Growth in a Cross Section of Countries. *The Quarterly Journal of Economics* 106(2): 407–443.
- Bell D. 1973.** *The Coming of Post-industrial Society*. New York, NY: Basic Books.
- Benson I., Lloyd J. 1983.** *New Technology and Industrial Change: The Impact of the Scientific-technical Revolution on Labour and Industry*. London; New York, NY: Kogan Page; Nichols.
- Berger P. L. 1986.** *The Capitalist Revolution*. New York, NY: Basic Books.
- Bernal J. D. 1965.** *Science in History*. 3rd ed. New York, NY: Hawthorn Books.
- Bhagwati J. 1995.** Trade and Wages: Choosing among Alternative Explanations. *Economic Policy Review. Federal Reserve Bank of New York* January: 42–47.
- Bianchi M. 1997.** Testing for Convergence: Evidence from Non-parametric Multimodality Tests. *Journal of Applied Econometrics* 12(4): 393–409.

- Bideleux R. 2014.** *Communism and Development*. Abingdon; New York, NY: Routledge.
- Bornschieer V. 1976.** *Wachstum, Konzentration und Multinationalisierung Von Industrieunternehmen*. Frauenfeld; Stuttgart: Huber.
- Bornschieer V. 1981.** Dependent Industrialization in the World Economy: Some Comments and Results Concerning a Recent Debate. *The Journal of Conflict Resolution* 25(3): 371–400.
- Bornschieer V. 1982.** The World Economy in the World System. Structure Dependence and Change. *International Social Science Journal* 34(1): 38–59.
- Bornschieer V. 1983.** World Economy, Level Development and Income Distribution: An Integration of Different Approaches to the Explanation of Income Inequality. *World Development* 11(1): 11–20.
- Bornschieer V., Chase-Dunn Ch. K. 1985.** *Transnational Corporations and Underdevelopment*. New York, NY: Praeger.
- Bray F. 1984.** Agriculture. In Needham J. *Science and Civilization in China*. Vol. 6. P. 2. *Biology and Biological Technology*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Buckley P. J., Casson M. 1976.** *The Future of the Multinational Enterprise*. London: Macmillan.
- Burns R. I. 1996.** Paper Comes to the West, 800–1400. In Lindgren U., *Europäische Technik im Mittelalter. 800 bis 1400. Tradition und Innovation*. 4th ed., pp. 413–422. Berlin: Gebr. Mann.
- Caldwell J. C. 2006.** *Demographic Transition Theory*. Dordrecht: Springer.
- Canova F., Marcet A. 1995.** *The Poor Stay Poor: Nonconvergence across Countries and Regions*. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra.
- Cardoso F. H., Faletto E. 1979.** *Dependency and Development in Latin América*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Chase-Dunn C. 1998.** *Global Formation: Structures of the World-economy*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Chase-Dunn C., Kawano Y., Brewer B. 2000.** Trade Globalization since 1795: Waves of Integration in the World-system. *American Sociological Review* 65(1): 77–95.
- Chase-Dunn C., Lerro B. 2013.** *Social Change: Globalization from the Stone Age to the Present*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
- Chesnais J. C. 1992.** *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press.
- Cipolla C. M. 1976.** Introduction. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 7–21. London; New York, NY: Harvester Press, Barnes & Noble.
- Debande O. 2006.** De-industrialisation. *EIB Papers* 11(1): 64–83.
- Denison E. 1962.** *The Source of Economic Growth in the US and the Alternatives Before US*. New York, NY: Committee for Economic Development.
- Desdoigts A. 1994.** *Changes in the World Income Distributions: a Non-parametric Approach to Challenge the Neo-classical Convergence Argument*. Berlin: Humboldt Universität Berlin.
- Downing B. 1992.** *The Military Revolution and Political Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Duffy M. (Ed.). 1980.** *The Military Revolution and the State 1500–1800*. Exeter: University of Exeter Publications.
- Duijn J. J. van. 1983.** *The Long Wave in Economic Life*. Boston, MA: Allen and Unwin.
- Durlauf S. N., Johnson P. A. 1995.** Multiple Regimes and Cross-Country Growth Behaviour. *Journal of Applied Econometrics* 10(4): 365–384.

- Dyson T. 2010.** *Population and Development. The Demographic Transition*. London: Zed Books.
- Ecker O., Breisinger C., Pauw K. 2011.** *Growth is Good, but not Good Enough to Improve Nutrition*. New Delhi: International Food Policy Research Institute.
- Ember C. R. 1977.** Cross-Cultural Cognitive Studies. *Annual Review of Anthropology* 6: 33–56.
- Evenson R. E., Gollin D. 2003.** Assessing the Impact of the Green Revolution, 1960 to 2000. *Science* 300: 758–762.
- FAO. 2004.** *The State of Food and Agriculture 2003–2004*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations.
- Frank A. G. 1979.** *Dependent Accumulation and Underdevelopment*. New York, NY: Monthly Review Press.
- Furtado C. 1999.** *Global Capitalism*. Mexico: Fondo de Cultura Economica.
- Furtado C. 2003.** *Economic Development of Latin America: A Survey from Colonial Times to the Cuban Revolution*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Galbraith J. K. 1958.** *The Affluent Society*. New York, NY: New American Library.
- Galbraith J. K. 1967.** *The New Industrial State*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
- Galbraith J. K. 1989.** Have Capitalism and Socialism Converged. *New Perspectives Quarterly* 3: 46–49.
- Gerschenkron A. 1952.** Economic Backwardness in Historical Perspective. *The Progress of Underdeveloped Areas* / Ed. by B. F. Hoselitz, pp. 3–29. Chicago: University of Chicago Press.
- Gerschenkron A. 1962.** *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Ghoshal S., Westney D. E. 2005.** *Organization Theory and the Multinational Corporation*. 2nd ed. New York, NY: Palgrave MacMillan.
- Gibson D. E. 1993.** Post-industrialism: Prosperity or Decline? *Sociological Focus* 26(2): 147–163.
- Gilpin R. 1975.** *U.S. Power and the Multinational Corporation*. New York, NY: Basic Books.
- Ginzburg A., Simonazzi A. 2005.** Patterns of Industrialization and the Flying Geese Model: The Case of Electronics in East Asia. *Journal of Asian Economics* 15(6): 1051–1078.
- Goldsmith R. W. 1986.** *Brasil: 1850–1984: Desenvolvimento Financeiro sob um Século de Inflação*. Rio de Janeiro: Harper & Row.
- Goldstone J. A. 2008a.** Capitalist Origins, the Advent of Modernity, and Coherent Explanation: A Response to Joseph M. Bryant. *Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie* 33(1): 119–133.
- Goldstone J. A. 2008b.** *Why Europe? The Rise of the West in Global History, 1500–1850*. New York, NY: McGraw-Hill.
- Goldstone J. A. 2013.** The Origins of Western Superiority – a Comment on Modes of Meta-history and Duchesne's Indo-Europeans. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical & Mathematical History* 4(1): 54–66.
- Gould W. T. S. 2009.** *Population and Development*. London: Routledge.
- Grenville J. A. S. 1994.** *The Collins History of the World in the Twentieth Century*. London: Harper Collins.
- Grinin L. E. 2008.** Transformation of Sovereignty and Globalization. *Hierarchy and Power in the History of Civilisations: Political Aspects of Modernity* / Ed. by L. Grinin, D. Beliaev, A. Korotayev, pp. 191–224. Moscow: LIBROCOM/URSS.

- Grinin L. E. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society.* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. E. 2012a.** *Macrohistory and Globalization.* Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2012b.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.
- Grinin L. E., Grinin A. L. 2013.** Macroeolution of Technology. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 143–178. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** The Afroeurasian World-system: Genesis, Transformations, Characteristics. *Routledge Handbook of World-Systems Analysis* / Ed. by S. J. Babones, Ch. Chase-Dunn, pp. 30–41. London; New York, NY: Routledge.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2013.** Globalization and the World System Evolution. *Evolution: Development within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms* / Eds. L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 30–68. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House.
- Grinin L., Korotayev A. 2014.** Origins of Globalization in the Framework of the Afroeurasian World-System History. *Journal of Globalization Studies* 5(1): 32–64.
- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* New York, NY: Springer.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2016.** *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery.* N. p.: Springer International Publishing Switzerland.
- Hall D. G. E. 1955.** *A History of South-East Asia.* London: MacMillan.
- Hansen B., Lukas E. F. 1978.** Egyptian Foreign Trade, 1885–1961. A New Set of Trade Indices. *The Journal of European Economic History* 7(2–3): 429–460.
- Hartwell R. M. 1976.** The Service Revolution: The Growth of Services in Modern Economy 1700–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 358–396. London: Harvester.
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999.** *Global Transformations. Politics, Economics and Culture.* Stanford, CA: Stanford University Press.
- Heston A. 1983.** National Income. *The Cambridge Economic History of India* / Ed. by D. Kumar, N. M. Desai. Vol. 2. C. 1757 – C. 1970, pp. 463–532. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- High S. 2013.** The Wounds of Class: A Historiographical Reflection on the Study of Deindustrialization, 1973–2013. *History Compass* 11(11): 994–1007.
- Ho Ping-ti. 1956.** Early-Ripening Rice in Chinese History. *Economic History Review* 9: 200–218.
- Hood N., Yong S. 1979.** *The Economics of Multinational Enterprise.* London: Longman.
- Issawi Ch. 1981.** *The Arab World's Legacy.* Princeton, NJ: The Darwin Press.
- Issawi Ch. 1982.** *An Economic History of the Middle East and North Africa.* London: Methuen.
- Ito T. 2001.** Growth, Crisis, and the Future of Economic Recovery in East Asia. *Rethinking the East Asian Miracle* / Ed. by J. Stiglitz, S. Yusuf, pp. 55–94. New York, NY: Oxford University Press.
- James P. 1997.** Post-dependency: The Third World in an Era of Globalism and Late Capitalism. *Alternatives: Social Transformation and Human Governance* 22(2): 205–226.
- Jones Ch. I. 1997.** On the Evolution of the World Income Distribution. *The Journal of Economic Perspectives* 11(3): 19–36.
- Kaa D. J. van de. 1987.** Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin* 42(1): 1–57.

- Kaa D. J. van de.** 1994. The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations. *Population and Family in the Low Countries* / Ed. by G. C. N. Beets, J. C. van den Brinkel, R. L. Cliquet, G. Dooghe, J. de Jong, pp. 81–126. Amsterdam: Swets and Zeitlinger.
- Köhler G., Tausch A.** 2002. *Global Keynesianism: Unequal Exchange and Global Exploitation*. Huntington, NY: Nova Science.
- Kojima K.** 2000. The “Flying Geese” Model of Asian Economic Development: Origin, Theoretical Extensions, and Regional Policy Implications. *Journal of Asian Economics* 11: 375–401.
- Korhonen P.** 1998. *Japan and the Asia Pacific Integration*. London: Routledge.
- Korotayev A., Goldstone J. A., Zinkina J.** 2015. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.
- Korotayev A. V., Grinin L. E.** 2012. Kondratieff Waves in the World System Perspective. *Kondratieff Waves. Dimensions and Perspectives at the Dawn of the 21st Century* / Ed. by L. E. Grinin, T. C. Devezas, A. V. Korotayev, pp. 23–64. Volgograd: Uchitel.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D.** 2006. *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Zinkina J.** 2014. On the Structure of the Present-day Convergence. *Campus-Wide Information Systems* 31(2): 41–57.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A.** 2011a. Global Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Journal of Globalization Studies* 2(2): 25–62.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A.** 2011b. Unconditional Convergence among Larger Economies. *Great Powers, World Order and International Society: History and Future* / Ed. by D. Liu, pp. 70–107. Changchun: The Institute of International Studies – Jilin University.
- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J., Malkov A.** 2012. Unconditional Convergence among Larger Economies after 1998? *Globalistics and Globalization Studies* 1: 246–280.
- Krahn H. J., Lowe G. S., Hughes K. D.** 2008. *Work, Industry, and Canadian Society*. 6th ed. Toronto, ON: Nelson Education.
- Krugman P.** 1996. *Pop Internationalism*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Krugman P., Lawrence R. Z.** 1994. Trade, Jobs and Wages. *Scientific American* 270(4): 44–49.
- Kuznets S. S.** 1926. *Cyclical Fluctuations: Retail and Wholesale Trade, United States, 1919–1925*. New York, NY: Adelphi.
- Kuznets S. S.** 1930. *Secular Movement in Production and Prices*. Boston, MA: Houghton Mifflin Co.
- Kuznets S.** 1955. Economic Growth and Income Inequality. *The American Economic Review* 45(1): 1–28.
- Kuznets S. S.** 1966. *Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Kwan C. H.** 1994. *Economic Interdependence in the Asia-Pacific Region*. London: Routledge.
- Lawrence R. Z., Slaughter M. J.** 1993. International Trade and American Wages in the 1980s: Giant Sucking Sound or Small Hiccup. *Brookings Paper on Economic Activity* 2: 161–226.
- Lee K., Hashem Pesaran M., Smith R.** 1997. Growth and Convergence in a Multi-Country Empirical Stochastic Solow Model. *Journal of Applied Econometrics* 12(4): 357–392.

- Leff N. H. 1982.** *Underdevelopment and Development in Brasil*. Vol. 1. London: Allen & Unwin.
- Lesthaeghe R. 1995.** The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. *Gender and Family Change in Industrialized Countries* / Ed. by K. O. Mason, A. Jensen, pp. 17–62. Oxford: Clarendon.
- Lesthaeghe R., Kaa D. van de. 1986.** Twee Demografische Transitie? *Groei of Krimp* / Ed. by R. Lesthaeghe, D. van de Kaa, pp. 9–25. Deventer: Van Loghum-Dlaterus.
- Lewis W. W. 2004.** *The Power of Productivity: Wealth, Poverty, and the Threat to Global Stability*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Livi-Bacci M. 2012.** *A Concise History of World Population*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Love J. L. 1980.** Raúl Prebisch and the Origins of the Doctrine of Unequal Exchange. *Latin American Research Review* 15: 45–72.
- Lucas R. 1988.** On the Mechanisms of Economic Development. *Journal of Monetary Economics* 22: 3–42.
- MacPherson St., Midgley J. 1987.** *Comparative Social Policy and the Third World*. New York, NY: St. Martin's Press.
- Maddison A. 1989a.** Dutch Income in and from Indonesia. 1700–1938. *Modern Asian Studies* 23(4): 645–670.
- Maddison A. 1989b.** *L'économie mondiale au 20e siècle*. Paris.
- Maddison A. 2010.** *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. URL: www.ggdc.net/maddison.
- Mankiw N., Romer D., Weil D. 1992.** A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics* 107/2: 407–437.
- McNeill H. W. 1963.** *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Meer K. van der. 1989.** A Comparison of Factors Influencing Economic Development in Thailand and Indonesia, 1820–1940. *Economic Growth in Indonesia* / Ed. by A. Maddison, G. Prince, pp. 259–294. Dordrecht – Providence, RI: Foris Publications.
- Minghinton W. 1976.** Patterns of Demand, 1750–1914. *The Industrial Revolution. 1700–1914* / Ed. by C. M. Cipolla, pp. 77–186. London: Harvester.
- Mitchell B. R. 1978.** *European Historical Statistics*. New York, NY: Columbia University Press.
- Modelski G. 1987.** *Long Cycles in World Politics*. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Modelski G., Thompson W. R. 1996.** *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Morris C. T., Adelman I. 1988.** *Comparative Patterns of Economic Development, 1850–1914*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Morrison Ch., Murtin F. 2006.** *The World Distribution of Human Capital, Life Expectancy and Income: a Multi-Dimensional Approach*. Paris: OECD.
- Mtigwe B. 2006.** Theoretical Milestones in International Business: The Journey to International Entrepreneurship Theory. *Journal of International Entrepreneurship* 4: 5–25.
- Nef J. U. 1987.** Mining and Metallurgy in Medieval Civilisation. *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. II. *Trade and Industry in the Middle Ages* / Ed. by M. M. Postan, E. Miller, pp. 693–762. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nehru J. 1949.** *Glimpses of World History*. London: Lindsay Drummond.
- O'Rourke K. H., Williamson J. G. 1999.** *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth Century Atlantic Economy*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.

- Ozawa T. 1992.** Foreign Direct Investment and Economic Development. *Transnational Corporations* 1(1): 27–54.
- Ozawa T. 2001.** The ‘Hidden’ Side of the ‘Flying-geese’ Catch-up Model: Japan's Dirigiste Institutional Setup and a Deepening Financial Morass. *Journal of Asian Economics* 12: 471–491.
- Ozawa T. 2005.** *Institutions, Industrial Upgrading, and Economic Performance in Japan: The ‘Flying-geese’ Paradigm of Catch-up Growth*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Ozawa T. 2009.** *The Rise of Asia: The ‘Flying-geese’ Theory of Tandem Growth and Regional Agglomeration*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Ozawa T. 2010.** *The (Japan-born) ‘Flying-geese’ Theory of Economic Development Revisited and Reformulated from a Structuralist Perspective*. Working Paper No. 291. October. Center on Japanese Economy and Business, Graduate School of Business, Columbia University. URL: <http://www.gsb.columbia.edu/cjeb/research>.
- Paap R., Dijk H. K. van. 1994.** *Distribution and Mobility of Wealth of Nations*. Working Paper, Tinbergen Institute, Erasmus University, October.
- Parker J. 1996.** *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Parker G. 1997.** Europe and the Wider World 1500–1700: The Military Balance. *The Political Economy of Merchant Empires. State Power and World Trade 1350–1759* / Ed. by J. D. Tracy, pp. 161–195. New York, NY: Cambridge University Press.
- Perkins D. H. 1969.** *Agricultural Development in China 1368–1968*. Chicago, IL: Aldine.
- Perkins D. H. (Ed.). 1975.** *China's Modern Economy in Historical Perspective*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Pingali P. L. 2012.** Green Revolution: Impacts, Limits, and the Path Ahead. *Proceedings National Academy of Sciences of USA* No. 109(31). No. 12302–12308. Doi: 10.1073/pnas.0912953109. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3411969/#r1>.
- Prebisch R. 1950.** *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*. New York, NY: United Nations.
- Prebisch R. 1959.** Commercial Policy in the Underdeveloped Countries. *American Economic Review* 49: 251–273.
- Quah D. T. 1996a.** Twin Peaks: Growth and Convergence in Models of Distribution Dynamics. *The Economic Journal* 106(437): 1045–1055.
- Quah D. T. 1996b.** Convergence Empirics across Economies with (Some) Capital Mobility. *Journal of Economic Growth* 1(1): 95–124.
- Quah D. T. 1996c.** Empirics for Economic Growth and Convergence. *European Economic Review* 40(6): 1353–1375.
- Quah D. T. 1997.** Empirics for Growth and Distribution: Polarization, Stratification, and Convergence Clubs. *Journal of Economic Growth* 2(1): 27–59.
- Rasler K. A., Thompson W. R. 1994.** *The Great Powers and Global Struggle, 1490–1990*. Lexington, KY: University Press of Kentucky.
- Reinert E. S. 2007.** *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*. London: Constable.
- Reher D. S. 2011.** Economic and Social Implications of the Demographic Transition. *Population and Development Review* 37: 11–33.
- Renkow M., Byerlee D. 2010.** The Impacts of CGIAR Research: A Review of Recent Evidence. *Food Policy* 35: 391–402.
- Rennstich J. K. 2002.** The New Economy, the Leadership Long Cycle and the Nineteenth K-Wave. *Review of International Political Economy* 9(1): 150–182.

- Rippy F. F. 1959.** *British Investments in Latin America. 1822–1949.* Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Rogoff B. 1981.** Schooling and the Development of Cognitive Skills. *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 4. *Developmental Psychology* / Ed. by H. C. Triandis, A. Heron, pp. 233–294. Boston: OUP.
- Romer P. M. 1986.** Increasing Returns and Long-Run Growth. *The Journal of Political Economy* 94(5): 1002–1037.
- Rostow W. W. 1975.** Kondratieff, Schumpeter and Kuznets: Trend Periods Revisited. *Journal of Economic History* 25(4): 719–753.
- Rowthorn R., Ramaswamy R. 1997.** *Deindustrialization: Causes and Implications.* IMF Working Paper No. 42. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp9742.pdf>.
- Sachs J. D., Warner A., Aslund A., Fischer S. 1995.** Economic Reform and the Process of Global Integration. *Brookings Papers on Economic Activity* 1(25): 1–118.
- Sala-i-Martin X. X. 1996.** The Classical Approach to Convergence Analysis. *The Economic Journal* 106(437): 1019–1036.
- Sahlins M. D. 1972.** *Stone Age Economics.* New York, NY: Aldine de Gruyter.
- Samuelson P. A., Nordhaus W. D. 2005.** *Economics.* 18th ed. Boston, MA: McGraw-Hill.
- Scholing E., Timmermann V. 1988.** Why LDC Growth Rates Differ. *World Development* 16: 1271–1294.
- Schultz T. 1963.** *The Economic Value of Education.* New York, NY: Columbia University Press.
- Shiba Y. 1970.** *Commerce and Society in Sung China.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Center for Chinese Studies.
- Shinohara M. 1982.** *Industrial Growth, Trade, and Dynamic Patterns in the Japanese Economy.* Tokyo: University of Tokyo Press.
- So A. Y. 1984.** The Process of Incorporation into the Capitalist World-system: The Case of China in the Nineteenth Century. *Review* 8(1): 91–116.
- Solow R. 1956.** Contribution to the Theory of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics* 70(1): 65–94.
- Sorokin P. A. 1960.** Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type. *International Journal of Comparative Sociology* 1(2): 143–176.
- Spufford P. 1987.** Coinage and Currency. *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. II. *Trade and Industry in the Middle Ages* / Ed. by M. M. Postan, E. Miller, pp. 788–873. Cambridge: Cambridge University Press.
- Strange S. 2003.** The Declining Authority of States. *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate* / Ed. by D. Held, A. McGrew. 2nd ed., pp. 127–134. Cambridge: Polity Press.
- Sunkel O. 1966.** The Structural Background of Development Problems in Latin America. *Weltwirtschaftliches Archiv* 97(1): 22–63.
- Swaminathan M. S. (Ed.). 1993.** *Wheat Revolution: A Dialogue.* Madras: Macmillan.
- Thirtle C., Lin L., Piesse J. 2003.** The Impact of Research-led Agricultural Productivity Growth on Poverty Reduction in Africa, Asia and Latin America. *World Development* 31: 1959–1975.
- Thompson W. R. 1990.** Long Waves, Technological Innovation, and Relative Decline. *International Organization* 44(2): 201–233.
- Thompson W. R. 2000.** *The Emergence of a Global Political Economy.* London: Routledge.

- Thompson W. 2014.** K-Waves, Technological Clustering, and Some of Its Implications. *Kondratieff Waves. Juglar – Kuznets – Kondratieff*. Yearbook / Ed. by L. E. Grinin, T. C. Devezas, A. V. Korotayev, pp. 164–180. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House.
- Toffler A. 1980.** *The Third Wave*. New York, NY: Morrow.
- Toye J., Toye R. 2003.** The Origins and Interpretation of the Prebisch-Singer Thesis. *History of Political Economy* 35(3): 437–467.
- UN Department of Economic and Social Affairs. 1973.** *World Economic Survey, 1972: Current Economic Developments*. New York, NY: United Nations.
- UN Population Division. 2015.** *UN Population Division Database*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.
- UNESCO. 2010.** *Estimates and Projections of Adult Illiteracy for Population Aged 15 Years and above, by Country and by Gender 1970–2015*. URL: <http://www.uis.unesco.org/en/stats/statistics/literacy2000.htm>.
- Vernon R. 1971.** *Sovereignty at Bay. The Multinational Spread of US Enterprises*. New York, NY: Basic Books.
- Wallace D. 1976.** *International Regulation of Multinational Corporations*. New York, NY: Praeger.
- Wallerstein I. 1974.** *The Modern World-System*. Vol. 1. New York, NY: Academic Press.
- Wallerstein I. 1980.** *The Modern World-System*. Vol. 2. New York, NY: Academic Press.
- Wallerstein I. 1988.** *The Modern World-System*. Vol. 3. New York, NY: Academic Press.
- Wallerstein I. 1987.** World-Systems Analysis. *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens, J. Turner, pp. 309–324. Cambridge, UK: Polity Press.
- Wee H. van der, Blomme J. 1992.** The Belgian Economy in the Very Long-run. A Case Study: Economic Development in the Flanders-Brabant Region, 1500–1812. *Twenty Second General Conference of the International Association for Research in Income and Wealth. Papers*. Flimz.
- Weinshall Th. D. 1975.** Multinational Corporations: Their Study and Measurement. *Management International Review* 15(4/5): 67–76.
- Wik M., Pingali P., Broca S. 2008.** *Background Paper for the World Development Report 2008: Global Agricultural Performance: Past Trends and Future Prospects*. Washington, DC: World Bank.
- Wild J. J., Wild K. L., Han J. C. Y. 2008.** *International Business: The Challenges of Globalization*. New York, NY: Pearson/Prentice Hall.
- World Bank and the Development Research Center of the State Council of the People’s Republic of China. 2012.** *China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society*. Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development.
- World Bank 2014.** *World Development Indicators Online: Syria. Population*. Washington DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://www.google.ru/webhp?sourceid=chrome-instant&ion=1&ie=UTF-8#newwindow=1&q=%D1%81%B8%D1%80%D0%B8%D1%8F+%D%BD%D0%B>
- World Bank. 2016.** Pathways to Prosperity: An e-Symposium. June 7, 2016/ URL: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2016/05/16/india-pathways-to-prosperity-an-e-symposium>.
- Yamazawa I. 1990.** *Economic Development and International Trade: The Japanese Model*. Honolulu, Hawaii: East-West Center.
- Yergin D. 1991.** *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. New York, NY: Simon & Schuster.
- Zamora S. 1977.** Book Review. *26 Catholic University Law Review* 449.